

ОРИГИНАЛЬНЫЙ
ЭКСПОНАТ

СМЕНА

6

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ты давно глядишь на улицу

Слова П. КОМАРОВА.

Музыка Ю. ДОЛТОВА.

Ты давно глядишь на улицу,
Только сердцу не понять,
Что за парень, что за парень
Ходит вечером —
Эх! — а вдоль по улице опять.

Ты сидишь у подоконника
И гадаешь об одном:
Может, это, может, это
Милый суженый —
Эх! — молча ходит под окном.

Ты сама еще не видела
Нареченного дружка.
Может, летишь... Может, летника
Полобишь ты, —
Эх! — может, встретишь моряка.

Он придет к тебе когда-нибудь,
Постучит в окно рукой,
Бросит шуткой, бросит шуткой
Недосказанной —
Эх! — и отнимет твой покой.

Друга ищет сердце девичье,
Только я не расскажу,
Что я сам, да, что я сам
Неделю целую —
Эх! — под окном твоим хожу.

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом песни. Текст песни:

Не очень быстро
Ты дав-но глядишь на у-ли-цу,
только сердцу не по-нять,
что за па-рень, что за па-рень хо-дит
вв-ече ром-ах! впо-дъ-пол-ночь ли-це о-т-крыть,
что я сам, да что я сам не де-лю
не-ду-ю-эх! — под окном твоим хо-жу.

Для повторения
Для окончания

Из письма в редакцию

Товарищ редактор!
Недавно по просьбе комсомольцев послала «XXX лет ИЛИСМ» гор-да Копейска и написал молодежную песню «Ты давно глядишь на улицу» на слова дальневосточного поэта Петра Комарова. Поскольку эту песню в «Смену». Если она понравится вам, то прошу опубликовать в журнале.

Несколько слов о себе. Работал и работай на производстве, а сейчас — в Челябинском областном театре кукол. Советую членом секции самодельных инструментов.

С приветом Ю. Долотов
г. Копейск.

ПОЧТА «СМЕНИ»

Дорогой читатель!

Все, что ты увидишь и прочитаешь в этом номере журнала — рассказы, стихи, очерки, зарисовки, переводы и большинство рисунков и фотографий — все это отобрано из большого потока писем, которые приходят в редакцию «Смены» из разных концов страны и из-за рубежа.

Подавляющее большинство материалов, напечатанных в этом номере, написано не профессиональными писателями или журналистами. Среди авторов ты встретишь рабочих и колхозников, представителей советской интеллигенции, тех простых людей, которые вечноновенно трудятся над выполнением величественных задач, поставленных перед советским народом XX съездом Коммунистической партии.

Автор рассказа «Сюрприз» Г. Колесников работает на комбинате заводе в Сальске. Рассказ «Это выше сна» написан Г. Степановым — педагогом средней школы № 9 в городе Риге. Рассказ «Орианда на реке» прислал Н. Чебавский из села Тугу, Алтайского края. Автор очерка «На высоких отметках» инженер-гидротехник Г. Разумов связан со строительством Кубышевской ГЭС. Публицистический очерк «Горный сахар» редакция получила из города Благовещенска, Амурской области, от библиотечного работника Л. Антоновой. «Дальневосточные зарисовки» сделаны кандидатом географических наук А. Мечавым (город Хабаровск). Автор зарисовки «По нехоженным тропам» издает геолого-минералогических наук И. Шарпов заведует кафедрой поisons и разведки Моголтовского государственного университета. Ленинградцы Л. Видгол и Я. Сухотин выступают с публицистическим очерком «Суд кончился, а споры мнут и сейчас...» Переводчик отрывка из романа У. Дюбуа «Испытание Мансарта» В. Кузнецов работает в Публичной библиотеке имени И. Е. Салтыкова-Щедрина. Корреспондентка «Южная Шурма Тулицевая» прислана из Харькова.

В этом специальном номере отведено место и письмам от наших зарубежных друзей. Мы публикуем рассказ «Встреча», посланный от молодого индийского писателя Навратна Сингха, письмо известных французских артистов Симоны Синьора и Жак Монтана и фотоочерк, сделанный фотографами Парика, письмо австралийского художника Маури Картера и его рисунки.

Поэзия в этом номере представлена стихами Ефима Гринского из Свердловска, М. Смирнохова из Архангельска, Николая Ивченко из Запорожья, Г. Каменника из Днепропетровска и Ю. Якимина из Красноводска.

Наш «Ящик» также весь составлен из редакционной почты.

Материалы, опубликованные в этом номере, тапчятся в народе, показывают возросший культурный и духовный уровень трудящихся нашей страны, которые под руководством своей великой Коммунистической партии строят коммунизм.

«Лучши сталевар предприятия черной металлургии СССР. Это почетное звание присвоено комсомольцу Василию Селезеву Волгавальской им. бригаде на заводе «Амурсталь» освоила скоростьные плавки и дает стране металл сверх плана.

Фото М. Жузе и др. в г. Комсомольск-на-Амуре.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

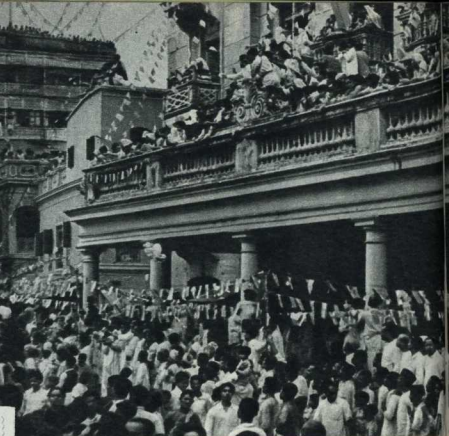
Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Март. № 6. 1956 год.

Год
издания
33-й

ВРЕМЯ

Навтедж СИНГХ

Рассказ

Кальхутта встречает гостей.

Рассказ «Встреча» прислан в редакцию из города Прот Нагар. Его написал специально для «Смены» молодой независимый писатель Навтедж Сингх, сын известного критика Гурбаша Сингха — члена Всесоюзного совета мира. И отец и сын принимают активное участие в общественной жизни страны, во всенародном движении борьбы за мир.

Навтедж Сингх написал этот рассказ под впечатлением незабываемой встречи товарищей Н. А. Булгакина и И. С. Хрущева на родине писателя. Можно сказать, что рассказ — известной степени автобиографичен.

В 1953 году, возвращаясь на родину из Бухарест, где Навтедж Сингх участвовал во Всемирном фестивале молодежи и студентов, молодой писатель впервые посетил Советский Союз. О диком, проведенном в Москве, он вспоминает с радостью. Не случайно рассказ «Встреча» пропитан такими искренними симпатиями и советским логам.

Навтедж Сингх тридцатидесяти лет, но имя его уже широко известно, особенно в Невиде. Один из его рассказов «Дети» был удостоен премии на Международном фестивале молодежи и студентов в Бухаресте.

Балвант Сингх шагал бодро, словно юноша. Уже много лет он не чувствовал себя таким молодым, как сегодня. Вся ночь не мог уснуть, волнуясь и думая о том, удастся ли ему найти место, с которого можно будет лучше разглядеть гостей. Давным давно, только в детстве, перед большими праздниками он вот так же проводил ночи без сна.

Из дому вышел Балвант вместе с Далипом еще до рассвета. Не смотря на бессонную ночь, голова была свежа, мысли текли, словно ручеек, который, ревясь, спускался с холмов. Душу Балванта наполняла музыка, которую рождала уста его молодого спутника слепого Далипа. Он шел рядом, держа Балванта за руку. Природа, как бы возмещая юноше потерянное зрение, наградила его чудесным даром пения.

Чтобы встретиться с любимым. Продвигаясь вперед, а нарядился. И пришла и немку. —

пед Далипа. Первые лучи солнца только начинали золотить вершины холмов. В воздухе уже стояла ночная прохлада, а какой-то человек уже обливался водой у колодца.

— Это это! — громко оклинул его Балвант Сингх. — Кто это, Сандер. — Как бы ты не постудился. Ведь еще так рано!

— Разве можно сегодня постудиться, баба-джи! Такие дорожные гости едут к нам... Сосед торопливо оделся и присоединился к Балванту и Далипу.

Когда они дошли до шоссе, уже ярко светило солнце. Вдоль дороги двигался пестрый людской поток. Балвант Сингх увидел много знакомых лиц. Здесь были юноши и старики, девушки и пожилые женщины, школьники и учителя, земледельцы и те, кто арендует жалкие клочки земли.

До слуха Балванта Сингха долетали обрывки фраз. Человек в бедной одежде, наклонившись, говорил своему спутнику, как бы делая с ним заветной тайной:

— Брат, я слышал, что наши гости — простые люди из народа... А рядом школьник рассказывал пастуху из своей деревни: — Один из них был пастухом, как и ты...

И в глазах пастуха, может быть, впервые в жизни засяло человеческое достоинство.

В разговор вмешался рабочий-текстильник Карма. К тому, кто сказал школьник, он добавил: — А потом этот пастух работал на шател — Памлолла! Он продолжал с возмущением: — Не бось, когда корюли капиталитос приезжают к нам в Наггал, хозева закрывают свои фабрики, как в праздничные дни. А сейчас, когда нам приезжают руководители рабочих, многие боссы хотели бы оставить это событие незамеченным. Но все равно, ни одно колесо не придет в движение, ни одна машина не будет работать сегодня.

Наконец Балвант Сингх и его спутники добрались до маленького городка Наггал. По обе стороны улицы стояли толпы людей. Булгакин, Хрущев и другие советские гости должны были проехать по этой дороге.

Люди, чтобы согреться, жгли охапки сухого тростника. Балвант Сингх с товарищами расположился у одного из костров.

Какой-то парень громко сказал: — Посмотрите, как наш трехцветный флаг развевается рядом с красным советским флагом. На каждом телеграфном столбе, на каждом паровозе, на станциях, на краях наггалской стройки — везде наши флаги вместе! — Теперь нам никто не страшен! — воскликнул другой юноша. — Никто не посмеет посмотреть на нас кося!

Этот разговор согрел Балванта Сингха больше, чем тепло костра.

Балвант Сингх уже с давних пор слогал простые, бесхитростные песни о Советском Союзе. Эти песни нравились людям. Один известный поэт, с которым он как-то встретился, сказал ему:

— Ваши песни, баба-джи, написаны кровью сердца, как песни о любви. Если бы вы подарили мне хоть частушку своего таланта!

Когда Далипе своим волшебным голосом пел эти песни, Балванту Сингх казалось, что он переносит их с своей серой жизни в другой, цветущий мир. Но то, что он слышал и видел ежедневно — море цветов и людей, восторг, нетерпение, с которым каждый ждал дорогих гостей,— все это заставляло Балванта Сингха почувствовать, что действительность во сто крат прекраснее его песни, как бы чудесно ни пел их Далипа.

Бесчисленные альфы и трехцветные флаги трепетали на ветру, порою сливаясь в братском объятии.

С какой верой старая женщина произнесла:

— Мы сегодня увидим посланцев мира!

С каким чудотворным односельчанам Балванте Сингха, Деван Чанд, говорил на собрании:

— Хрущев и Булгакин предложили поделиться с нами всем, что имеет их великая страна,— знаниями, достижениями науки, опытом строительства новой жизни, машинами, даже достижениями в области атомной энергии. Советские

люди готовы идти с нами рука об руку!

Заканчивая свою речь, Чанд сказал: — Все вы знаете песню: «Когда любимая попросила один цветок, я отдал ей весь свой сад...» Так же и советские друзья: они предлагали нам все, что имеют, но не ожидали нашей просьбы.

Балванту Сингхเสมอ представлялся этот сад. Сад любви и дружбы цвет здесь — прямо перед его глазами. И он вспомнил свой ответ поэту, который попросил его поделиться с ним своим талантом. «У меня нет особого таланта», — сказал тогда Балвант Сингх. — Все, чем я обладаю,— это дар советского народа, это след волшебного сопереживания с советскими людьми. Их любовь сделала меня поэтом. Вы говорите, что мои песни полны страсти, как песни о любви. Но ведь мои песни и есть песни о любви, о моей любви к советскому народу, к моему народу, к народам всего мира.

Взор Балванта Сингха упал на празднично разукрашенную арку, воздвигнутую в честь советских гостей. На красном полотнище золотыми буквами были выведены слова на незнакомом ему языке. «Неужели это русские буквы!» — подумал Балвант. Да! На полотнище и в двух жаркого солнца Индии сияли русские буквы. Будто лицо друга, которого он не видел двадцать пять лет, явилось перед его глазами. Балвант стал по слогам разбирать слова.

— Добро по-жа-ло-атли... «Добро пожаловать!» Эти слова он услышал впервые четверть века назад. Тогда Балванту Сингху было тридцать лет. «Добро пожаловать!»... И вот словами силами неведомых чужих Балвант Сингх перенесся в прошлое.

Много довелось пережить Балванту Сингху прежде, чем в его ушах прозвучала фраза «Добро пожаловать!» Он бежал из крепости, в которую британские колонизаторы заключали своих

1 Баба джи и — уважительно.

Фото А. Гарамина.

самых опасных политических врагов. В него стреляли, но он уцелел. Сколько гор пришлось ему преодолеть, сколько рек переплыть! Балвант Сингх скрывался от преследователей то в одежде священнослужителя сикхов, то в рубище деревни. Порой его укрывали друзья, порой злые люди выдвигали ярагу. Наконец Балванту удалось покинуть пределы той огромной тюрьмы, в которую колонизаторы превратили его страну. Измаяв от голода и жажды, он наконец добрался до Афганистана. Деревушка патанов¹, куда попал Балвант Сингх, была расположена на берегу Аму-Дарьи. По ту сторону реки началась советская земля.

Измученный долгими скитаниями,

¹ Патаны — племя, живущее в Афганистане.

Население Кашмира восторженно приветствовало посланцев дружбы и доброй воли.

ним, Балвант Сингх лишился чувств. Жители деревушки подбежали к нему. Он оную лишь прозрел: «Независимость... Свобода...» — и провел рукой по щеке, пытаясь жестом объяснить, что британские хозяева хотели отрубить ему голову.

Патаны поняли, что лежавший перед ними человек — индийский патриот, приговоренный к смерти и бежавший из тюрьмы, чтобы жить и снова бороться за свободу. Они протянули ему руку дружбы. Один из патанов сказал: «Свобода! — и показал в сторону реки, мерцавшей на той стороне реки».

Ночью, напустуемый дружескими пожеланиями, Балвант Сингх пустился в путь через ледяные воды Аму-Дарьи. Он не помнил, как очутился на советской земле. Сингх пришел в себя только в больнице. И первые слова, которые дошли до его сознания, были: «Добро пожаловать! Их произнесла фея — мечта его детства. Она стояла у изголовья. Ему показалось, что горячие лучи родного индийского солнца согрывают его заморозившее сердце».

Вскоре Балвант Сингх узнал, что это была не фея, а простая советская девушка, которая хотела облегчить его страдания. Звали девушку Соня. В ее голубых глазах светилась любовь всего советского народа к тем, кто борется за свою свободу. В ее взгляде было столько теплоты, что Балвант Сингх, не зная русского языка, понял обращенные к нему слова приветствия.

Пять лет прожил Балвант Сингх на советской земле, и почти все это время Соня находилась рядом с ним. По возрасту она была немного младше Балванта, но когда Соня учила его русскому языку, он чувствовал себя ребенком. Соня радовалась каждому новому слову, выученному им, она никогда не уставала рассказывать своим товарищам о его успехах. Первая фраза, которую Балвант Сингх произнес по-русски, была: «Я ни холодно...» Это означало: «Мне не холодно в вашей стране, потому что я люблю ее, люблю советский народ».

Все поражаало Балванта Сингха на советской земле, все для него было ново, чудесно. Ему подчас представлялось, что он перенесся в будущее человечества. Если же кто-нибудь оставалось для него непонятным, на помощь всегда приходила Соня — источник света, его друг и друг его народа.

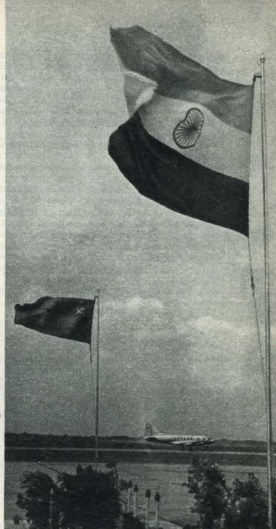
Сначала Балвант думал, что Соня — исключение. Но вскоре убедился, что в этом новом для него мире у большинства людей такие же, как у нее, чистые сердца. И все они — его друзья, друзья угнетенных людей на земле...

— Хинди, руси — бхай, бхай! — инструктор хором закричал, школьники Нангала.

Высоко поднятые флаги заколыхались. Далипа своим чудесным голодом повторил эти слова, толпа подхватила их, и они поплыли в воздухе. Специальный поезд с советскими гостями прибыл на станцию. Белые голуби, как немеринкущий символ мира, взлетели в небо. Лозунги «Да здравствует индийско-советская дружба!» поднялись вверх. Толпы людей приветствовали желанных гостей.

Балвант Сингх проборолся в первый ряд. В его сознании картины прошлого и настоящего смешались, как цветы радуги. Он снова увидел перед собою голубые глаза Сони. Когда Балвант Сингх покидал страну свободы, чтобы вернуться в Индию, Соня на прощание обняла и поцеловала его. Кругом до самого горизонта простиралась тогда снежная равнина — сосны стояли, опустив под тяжестью снега мохнатые ветви.

² Индийцы и русские — братья!

В памятный день приезда дорогих гостей аэродром в Мадрасе был украшен советскими и индийскими государственными флагами. Они гордо развеивались на фоне голубого неба как символ нерушимой, братской дружбы двух великих народов.

Что могло быть чище и светлее, чем эта близкая связь, чем это поцелуй! Соня сказала: «До свидания, до следующей встречи! Мы обязательно встретимся, дорогой друг». Это был последний поцелуй, который подарил Балванту Сингху жизнь, и аромат его навсегда сохранился в душе...

...Толпа заколыхалась, расступилась, двинулась чуть-чуть вперед. Открытая машина, украшенная цветами, приближалась по дороге. Разноцветные флаги развеивались на ветру.

— Это Булганин, это Хрущев! — раздавались вокруг.

Дождь цветов посыпался на гостей. Слепой Далипа тоже бросил свой букет. Он так нежно держал его в руках, мадяно ожидая этой минуты! Далипа выпрямился, широко раскрыл широко глаза, и песня полилась из его уст:

Навонец я увидел тебя,
Дай мне наполнить душу твоим благоуханием...

— Добро пожаловать! — изво всех сил кричал Балвант Сингх. «Соня была правд», — подумал он, когда машины с гостями скрутились за поворотом. — Мы обязательно встретимся. И вот сегодня мы встретимся!»

Балвант Сингх вновь почувствовал, что он так нежно держал его в руках, мадяно ожидая этой минуты! Далипа выпрямился, широко раскрыл широко глаза, и песня полилась из его уст:

Навонец я увидел тебя,
Дай мне наполнить душу твоим благоуханием...

Ефим РУЖАНСКИЙ

Спуск в шахту

Как на торжественную шахту,
Впервые
шахта спускалась в шахту.
Качнулся клеть,
раздался лязг металла —
Вот резкий спуск,
и сердце задрожало.
Смелей, дружже!
Должен ты суметь
Паденья
первый страх преодолеть,
Чтоб славное шахтерское работой
Подняться
до орлиного полета!
г. Свердловск.

М. СКОРОХОДОВ

Путь к звездам

Путь к звездам разум идувана искал.
По кингам с детства мы знакомы с Марсом,
И кто из нас в мечтах не пролетал
По межпланетным безвоздушным
трассам?
Нам изобратье тайны раскрывало —
Мы видели Юпитер многоауный,
На Марсе были виду из канала
И любовались коллидами Сатурна.
Куски породы собирая в раны,
Мы луниных гор исследовали склоны.
Знаком нам жаркий вздох протуберанца,
Сиянье чистой соляной короны.
Но скоро, в небо взрывами стуча,
Поплема мы ввысь — ахха беда начало —
Ракеты из крепчайшего металла,
Летящие со скоростью луча.
Они пройдут под Триумфальной аркой
Ворот Вселенной — Млечного Пути,
И будут звезды небовадо ярко
На небосводе в эту ночь цвести...
г. Архангельск.

Николай КЛИМЕНКО

Украине

Богатые степи без края
И седи в силах над Днепром...
Моя Украина родная,
Как песни, ты в сердце моем.
С Москвой мы на стройках великих,
С Москвой мы в суровом бою...
«З Москвою мы будьмо навки!» —
Я слышу присягу твою.
Звездою кремлевской согрета,
Расцвела попо дням — по часам...
Тебе, если стану поэтом,
Я лучшие песни подарю!
г. Запорожье.

Г. КАМЕННАЯ

Первая песня

Девушка выходит на эстраду
И в волненье комкает платок.
Ей на лоб, как будто так и надо,
Опустился русый завиток.
От смущенья девушка краснеет:
Первый раз из сцены. Первый раз!
Говорит из зала ей:
— Смейся! —
Много дружеских и теплых газ.
И от этого аль хорошего вынешься.
Только вступай свободно и легко
Через окна, за пределы зданья,
Распелася песня широко,
На сяды, на рону за покосом.
Где, забыв мелодию свои,
Приумолакал вступ звынокогоосме,
Слушая ту песню, соловьи,
г. Днепроретровск.

Сюрприз

Г. КОЛЕСНИКОВ

Рассказ

События, которые раскроют суть этой правдивой и печальной истории, произошли в нашей Бухгалтерии. И я, признаюсь, с некоторой опаской взялся писать рассказ, в котором основным действующим лицом будет главный бухгалтер. Уж очень далека эта область человеческой деятельности от поэзии! В самом деле, что может быть прозаичнее бухгалтерии! Впрочем, Степан Захарыч Кучерда, наш главный бухгалтер, — человек не только почтенный, но и безусловно интересный. Интересен, каждая по-своему, и его сотрудники: две Люси и Васена Антоновна.

Из двух Люс одна была чересчур полая, простодушно-грубовата и фантастически-любомыслившая. Как-то в лютов декабрьскую стужу она пришла в таком зеленом платье и с такими оранжевыми цветами, что Степан Захарыч даже крикнул от неожиданности: «Ах, тебя уговорили!»

Но, кажется, только один Степан Захарыч и заметил несбычайность люсиного наряда. Две другие сотрудницы были истыми дочерьми Евы: они обладали и достоянным тактом и достойной заветью, чтобы не придавать этому факту никакого значения.

Вторая Люси была излишне скуповодя и очень страдала от этого. Но так как страдания только усиливали ее худобу, то она в конце концов сделала меланхолическо-женской. Будучи по должности кассиром, она сидела за деревянным барьером, подывая тонкие губы, с которых всегда готова была сорваться какая-нибудь колкость.

Заместитель Степана Захарыча не будет играть в нашем повествовании сколько-нибудь существенной роли, поэтому о Васене Антоновне Задорожной мы упомянем только для полноты картины. Она была уже в том возрасте, который позволял тонкой Люсе говорить о ней, как о старой деве.

Во времена немецкого нашествия Васена переехала куда-то такую драму, рано посидела и не вышла замуж. Возможно, из-за пережитой драмы или по какому-нибудь другим жизненным обстоятельствам характер Васены сложился противоречивым. Впрочем, она отомыслила и окружила со спойничным безразличием, но в глубине души до боли завидовала людям, сумевшим в отличие от нее сколотить себе пусть немудрящее, но свое человеческое счастье... В работе Васена была круглая и в меру серьезной, и когда Степан Захарыч уходил в отпуск, Люсам, поспешившим под пря-

мое начало Васены, частенко доставалось.

Что касается самого Степана Захарыча, то он, человек поной, тучный и незреклоно стуровый, имел два слабости. Первая — это дача. Тамара, которую он до самообразования любил и которой откровенно гордился. Она окончила педагогический институт в областной городе и готовилась стать учительницей. Второй слабостью Степана Захарыча, как это ни странно, была подценуриваемая им демонстрация своей поразительной работоспособности и усидчивости.

Умение работать часами, не отрывая от дела ни на минуту, породило в характере Степана Захарыча тщеславие: он разделял печальное заблуждение многих людей, которые были глубоко убеждены так же, как и он, что лучше его, больше его и честнее его никто другой на его месте работать не сможет, и место свое он намерен был оставить только со смертью.

Обычно, когда наступало время составления баланса, тонкая Люси говорила: — Ну, дачники, запрятались. Теперь Степа даст нам жизни!

И Степан Захарыч действительно «давал жизни». За короткое время он успевал контировать такую гору документов, что обе Люси, работая в четыре руки, не успевали разнести их по картотекам.

Степан Захарыч сам обучал своих сотрудников литроумному бухгалтерскому ремеслу. Обе Люси пришли к нему после школьной ссавы, совсем девчонками. Как природный бухгалтер, он настойчиво добивался в работе чистоты и единообразия. Достигнув в этом деле немалых успехов, он самодовольно говорил:

— Сколько я трудов положили, пока научил мсих стрекоз чистообразности!

«Чистообразность» была служебным кономом Степана Захарыча. Кстати говоря, не кто иной, а именно наш главный бухгалтер является изобретателем этого выразительного неологизма. Однако, очевидно, в силу отдаленности нашей местности, он не вошел в сокровищницу русского языка, и я буду доволен, если мое повествование поможет вспомнить этот пробав и даст изобретателю Степану Захарычу права гражданства.

Помощницы Степана Захарыча работали в дни составления баланса добросовестно и быстро. Но когда срывалась штормовая волна заключительных контровок и все цифры автавали в

Рисунок И. Ласоговского.

стальные рамки балансовых статей, когда бующее море бухгалтерского учета переходило в спокойную зыбь текущих операций, тогда полная Люся при очевидном присутствии тонкой и добродетельной нейтральности Васены самым бесостыдным образом эксплуатировала первую и главную ошибку Степана Захарыча. Тонким глубокой застенчивости, как бы невзначай, она вдруг спрашивала:

— Ну как, Степан Захарыч, что Томочка пишет?

— Томочка Люся из-за своей перегорки сердито одергивала подругу:

— Слывать ты в рабочее время неслужбевые волосы, задавая Степану Захарычу!

Но Степан Захарыч только и ждал этого неслужбевго вопроса. Дело в том, что вчера он получил от дочери фотографическую карточку, и сегодня ему не терпелось показать ее своим помощницам, а взводно еще раз посмотреть и самому. Коварный люсий вопрос попал в самую точку. Людо его расплылось в довольную улыбку.

— Карточку вчера прислала.

Полная Люся всплеснула руками:

— И вы молчите! Немедленно показывайте, Васена ее заметку увидела. Тонкая Люся убрала в стол кассовую книгу, думая при этом: «Клоную!»

Ну конечно же, Томочка Кучерда была красивая! У нее очень тоненький носик, очень яркие, вероятно, накрашенные губы, очень светлые, вероятно, обесцвеченные волосы. По фотокарточке видно было, что девушка из всех сил старалась быть серьезной, но это ей совершенно не удавалось, или что-то рассмешило ее в момент съемки, или она была просто смешливой, трудно судить по фото, но каждая жилка на ее хорошеньком лице трепетала в смешинках.

Степан Захарыч равново следил за тем, какое впечатление производит фотография дочери на его сотрудников.

Приворо бухгалтерии оказался единственно:

— Хорошенькая!

— И всевая, — оценила по-своему Васена. Впрочем, если говорить откровенно, сотрудник Степана Захарыча и ждал этого слова его дочка, сколько ее прищас, фаном ее платье и материал, из которого оно сшито. Все решили, что эта ткань всевая-ли расцветки, несомненно, шатель. Полная Люся приняла этот шатель к своей фигуре и пришла к выводу, что на ней он выглядел бы гораздо лучше.

Степан Захарыч еще раз и все с тем же откровенным удовольствием посмотрел на портрет дочери и бережно положил его между листами какой-то бухгалтерской книги. Чувство гордости за свою дочь прямо-таки распирало Степана Захарыча, а в такие минуты он всегда заводил знакомой девушкой философский разговор:

— Вот она, жизнь-то наша! Стои на медные деньги. Да с похорон нечего брать пишу... Да! На медные деньги... А дочка будет изучать литературу русской обучать. Вот ведь как обернулось дело...

Неизвестно, как долго мог бы говорить Степан Захарыч на любимую тему, если бы не послышалось сигнала проерки зрения. Все быстро собралось и отправилось на обед с единодушным мнением, что дочка Степана Захарыча премиривалась.

Спустя несколько балансов, в спокойную минуту бухгалтерского штиля, полная Люся опять пустила в ход свое испытанное коварство:

— Ну как, Степан Захарыч, Томочка пишет? — Пишет, — заулыбался Степан Захарыч. — Домой яду. Кончила. Диплом получила. Теперь русской литературе людей учить будет. Учительница!

Степан Захарыч искренне пожелал и полную Люсю, и Васену, и Люсю-тонкую: ведь и они могли стать учительницами, как и его Тамара, если бы захотели.

— Учиться надо было, девушки! — назидательно сказал он. — У нас в институте никому дороги не закладывали.

— Ума на институт не хватило, — ответила

тонкая Люся. — Спасибо, хоть к кассе-то пристроилась.

Степан Захарыч мысленно сравнил свою Тамару с тонкой Люсей. Провосходство дочери было подавляющим: выше образование, диплом, учительница!

— Это верно, конечно, высшее образование без ума не получишь.

— Ну, положим, у меня ума на два института хватило бы, — не выдержала полная Люся. — Но... Константин помещал. А потом дитя родилось, какой уж там институт!

— А ты бы погодила дитя-то родить, успе- ла бы.

Люся-полная шумно вздохнула, а тонкая Люся не преминула заметить:

— Именно так вздыхают паровозы, когда им грустно.

— А что толку-то, что ты такая худощая! — отпаривала ее полная Люся. — До сих пор замуж не вышла.

Это было удар по очень большому месту, и тонкая Люся оскорбленно замолчала.

Бухгалтерия взривилась. Только Васена с равнодушным безразличием щелкала на счетах; ее сухие, тонкие пальцы мелькали над кассашками в профессионально красивом ритме.

Состояние этой неопределенной тревоги не могло продолжаться бесконечно.

— Чего-то грустит наш Степа, — шепотом заметила тонкая Люся.

Но полная Люся было уже невмого. Нарушая напряженное молчание, она спросила Степана Захарыча:

— Им дома чего случилось у вас?

Степан Захарыч вздрогнул, с какой-то жалкой торопливостью схватил ручку, растерянно посмотрел на свое испытанное лицо, словно не понимая, зачем оно у него в руках, и положил на стол. Быстро справившись с волнением, окатившим все его существо, Степан Захарыч как можно спокойнее произнес:

— Тамара приехала.

Полная Люся заухахла на всю бухгалтерию:

Полная Люся вздохнула еще раз:

— Сердцу, Степан Захарыч, не захажеш... Да и выбора не было: или замуж, или учиться. Вот я и выбрала...

И удар, словно вспомяну что-то, Степан Захарыч спросил:

— Девушки, а что бы это такое было — сюрприз?

Всплыли, что об Люси не зная, что терская сюрприз. Васена обычно в такие разговоры не вмешивалась, но тут влезла объяснить:

— Это, Степан Захарыч, нечаянная приятность: чего не ждете, то вам и будет.

Разжесившие несколько взривились Степана Захарыча.

— Что же это такое может быть неожиданное? Все вроде бы оиданное.

— Не все, значит. Свалится, как снег на голову, чего и не ждешь — вот и сюрприз!

— Ну, ты скажешь тоже, как снег на голову! Сюрпризы какие-то выдумали!

Степан Захарыч еще что-то поворчал себе под нос, но постепенно втянулся в дело, и ход его мыслия принял нормально-бухгалтерское направление.

Вскоре после этого девушки заметили в характере Степана Захарыча странные перемены. Стал он несколько мрачноват, вроде Васена. Но самое главное, чего с ним никогда не бывало, пододгу сидел теперь без дела и смотрел куда-то влево, в окно, ничего не видящими глазами.

— Бетюшки! Чего же вы нам-то не показывате свою учительницу?

Но Степан Захарыч уже окончательно взял себя в руки и загворил тем сухим тоном, к которому все давно привыкли:

— А чего ее показывать? Она не балерина... Как у тебя рабочие и служащие? Опять ты с разносной отстал!

Девушки заскривели пярями и зашвыряли счетами — бухгалтерская машина привычно заработала.

После обеда неожиданно в нашу контору зашла Тамара. Вся бухгалтерия так и ахнула: коричневые пятна на лице Тамары, ее расплывшая фигура, широкое специально расшито платье не оставляли места для сомнений.

Тонкая Люся ехидно заулыбалась:

— Вот вам и сюрприз!

Степан Захарыч покраснел и тяжело поднялся со своего стула.

— Чего тебе! — сухо спросил он у дочери.

Тамара спокойно подошла к отцу, положила ему на плечо руку и сказала:

— Я так просто. Чего ты волнуешься? Степан Захарыч собрал дрожащими руками бумаги со стола и как-то боком, обойдя доем, ушел в кабинет директора.

Тамара оказалась очень простой и общительной. Нисколько не смущаясь, она держалась со всеми естественно, по-дружески, как со старыми знакомыми.

— Здравствуйте, девочки! Я, кажется, и по-здороваться с вами не успела! О, Васена

Антонина! Вы все хорошеете. Замуж не выйдешь!

Васенья застенчиво улыбнулся:

— Какой там муж, Томочка, старость подводит!

— Ну, вам-то еще рано в старухи записываться!

Тамара отгинула, что тонкая Лося успела за это время поправиться, и на полной Лосе увидела модные сборки, которые очень скрадывали ее полноту... У каждой женщины Тамара заметила именно то, что нужно было заметить, и не увидела того, чего не позволялось видеть, хотя именно это, неположоженное, бросалось в глаза резко всего. Она не увидела ни морщинок на восковом лице Васеньи, ни того, что полная Лося в свои 28 лет была уже почти такой же широкой, как стол, за которым работала...

Пока Степан Захарыч был в кабинете директора, женщины успели вволю поговорить. Тамара отнюдь не владела собой и, если судить по любезной улыбке, с которой она рассекла свое о своем споре с отцом, можно было подумать, что это и на спор даже забывая семейная шутка. В действительности же все то, что произошло, и для Тамары и для Степана Захарыча было настоящей и большой семейной драмой. Не беременность подарила волновала Степана Захарыча, а конце концов это — для житейского и рано или поздно должно было произойти. Нет, как раз эта сторона дела встречала в душе Степана Захарыча полное одобрение. Повидимому, это правосудие понимала Тамара и обиделась на отца еще больше, потому что ни к кому другому не считала себя перед ним виноватой. А старый Кучерда болезненно хотел и не мог понять, как может его дочь, его Тамара, с таким легким сердцем относиться к тому, что она делала... — Хоть вы мне, девочки, посочувствуйте, — говорила Тамара, капризно кривя губы. — Со всем меня отец съел. Не нравится ему, что я замуж без спроса вышла.

Тамара явно лукавила. Степану Захарычу, конечно, хотелось, чтобы его дочь не без спроса замуж вышла, но не в этом была суть раздора.

— А вы не слушайте его, он свое прожил, — сказала тонкая Лося. — Характерец вашего папаша ни лучше вас знает!

— Понимаете, девочки, мой Валентин еще учится. Он архитектурный заканчивает. Прекрасная специальность: город, приличная зарплата... Я как подумала, что меня ждите после института: сошлют куда-нибудь на стойбище к намаячим сельским ребятишкам обучать!.. Грязица, холодиче. Брр! Ни кино, ни театрал. Я уже в другую жизнь втянулася... Ну как только этого отец не понимает! Ведь у меня и выбора-то не было: или замуж выходить, или, согласно папашинскому идеалу, в деревню ехать... Чудак, и больше ничего!

Тамара можно было возразить Тамаре? Слова ее были полны того полого жаркого смысла, которым люди, делавшие нечестливое дело, обволакивают свою душу и совесть. За эти пошлым здравым смыслом не видно было ни большой любви, ни сильного чувства, разве только, как сказала тонкая Лося, одно соображение: хорошее мужья на дороге не валяются! Но, честное слово, стоило ли только ради этого выходить замуж!

Тамара нарочно сгустила краски. Может быть, и не на стойбище к намаячим послали бы ее после учебы в институте... Хоть и на-

нейских ребятишек будет обучать ее подружки — так почему бы среди них не оказалась и ей! Нет, она решительно, настойчиво и ловко ускользала от дела, которое старый Кучерда считал смыслом ее жизни. Именно этого не понимал Степан Захарыч, именно этого не хотел и не хотел простить он дочери. Неприятность старого Кучерды стала особенно заметной, когда он выходил из кабинета директора, сумрачный, суровый.

— Вот, девочки, полюбопытствуйте на ночь. Домо замуж вышла, а вы хотите собраться с отцом, а он вас недолюбит. Ну, чего ты такой мрачный, папа!

— Дома, дома об этом говорить будем. Ты зачем пришла, спрашиваю!

Тамара взяла отца под руку и с той же, правда, теперь уже несколько деревянной улыбкой уехала из конторы.

Вскоре мы узнали, что Тамара благополучно родила сына, уехала к мужу, жила в городе, нигде не работала и считала себя счастливой.

Степан Захарыч очень любил внука, названного в честь деду Степаном, но сдержанно так и не помирился. Старик все чаще стал задумываться, и думы его были все об одном и том же: «Неправильно! Неправильно это... Ставят человека из дочери славом — не сумам. Нужно даде жену вырастить. Наведешь ей обучат зороно. А нанайди, голубушка, тоже хорошие люди. Да и сама не больно хороша. Отец-то на медные деньги учился. Может быть, и его учителя вот же бравовали учить!»

В каких-то частностях старик, может быть, и неправ был в своем категорическом суждении дочери. Но и не на стороне Тамары была правда.

Справедливости ради нужно, однако, сказать, что семейная драма Степана Захарыча Кучерды почти и не отразилась на состоянии нашего бухгалтерского учета. Жизнь счетного коллектива скоро вошла в правильную колею. Полная Лося каким-то чудом нащупала новую саботаж Степана Захарыча и в минуты бухгалтерского штиля снова спрашивала его без коварства:

— Ну как, Степан Захарыч, внучек ваш поживает?

— Растет, крепкий!

Степан Захарыч широко улыбался и доставал фотографию здорового мальчонки, который лежал на большой подушке, поднимая толстую ножку с забавно согнутым пальцем, и чему-то улыбался беззубым ртом.

Все напоминало, что мальчонка — вылитый дед. Васенья сдержанно улыбалась, тонкая Лося немедленно убирала в стол кассовую книгу, как прежде, и начиналась длинная, непринужденная беседа. Но сам старый Кучерда теперь редко принимал участие в разговоре. Глядя на внука, он вспоминал дочь, и грустные думы начинали роиться в его голове. Он прятал карточку в стол с таким чувством, словно запечатленный на фотографии здоровый, смеющийся парнишка виноват в том, что его мать не оправдала надежд. Степана Захарыча и честь свою и славу учительницы променяла на какое-то пустое и бездумное счастье. Да и счастье ли еще!.. Старый Кучерда сомневался в этом с большой грустью.

г. Сален.

Ю. РЯБИНИН

СКВОРЦЫ

Сегодня у тебя совсем неожиданно Улыбков зардеется лицо. Когда на нас обрушился горный, Каргавый щедоб взболомшнх скворцов.

Откуда он в бесitchком здешнем крае, Где только камень, камень без конца, Где медленно на солнце подгорают Бескромные кривые деревья? Откуда он? В нем уютно спешных сборов, Дорожных тягот, жалоб и забот, Глухих тревов и вздорных перекоров...

Постой!

Ведь это птичий перест.

Постой,

Ведь это,

Против воли бровей

Тепло своих насиченных ветвей,

А ты опять,

В заболучную проясн.

Летят, быть может, с Врннннн твоест.

Пускай летят, пусть не загорюдишь,

Пускай летят за кромку желтых гор.

...А ты опять в который раз заводишь

Постылый, надевший разговор.

А ты опять,

С такой привычной грустью,

Что так и жди притворных, хитрых слез.

Скорбишь о том, что в это захолюете

Какой-то черт по злобе нас занес,

Что здесь скворцы,

И те куда им деться —

Всего лишь на ночь сами отдохнуть,

А завтра, не успев оглядеться,

Пусть расцветет, учатся дальше в путь.

Ты, что ни слово, рече и смысле,

Себя надеждой тешешь на первой,

Что и возмужу и тоже забавок

Твоем перелетном тоской.

Возьму и встану ладильком с тобой,

Чтобы вздыхать летачим птицам вслед.

...А мне сегодня вспомнилось другое,

Как будто мне всего двенадцать лет.

В двенадцать лет жини, как мать

прикажет,

А так хотелось вырваться туда,

Где нет пока простых баряков даже,

Где мужество возводит города.

И пусть там злой, тускый летует жуства,

Они ай страны для счастья моего?

Так неуемле и сегодня хуже

Тогдашнего себя же самого?

Неправда. Нет.

Ты слышишь? Я не птица.

Меня не то и вынуждала мать,

Чтоб мог я там, где надо, посмеяться,

Чтоб мог я там, где надо, зивовать.

Не птица я — и белы и печали.

Ко мне приходит тоже в свои черед.

Ты думаешь, беззащитных ночами

Меня тоска за сердце не берет.

По почему оставалсяному дому,

По несчастью застенчивому берез?

Но сильные тоскуют по-другому!

Без жалоб, без упреков и без слез.

И пусть до смерти будет сердце битое

В порыхах этой яростной тоски,

Настолько сильной, что за нею птицы

Придут, я знаю, в знойные псы.

Да, будет так: достанет я нас терпенья,

И сил у сердца, чтобы не по силе,

А наяву здесь заведем деревья

И птицы гнезда вилы по весне.

За птичьим счастьем душными ночами

Летят скворцы за кромку желтых гор.

А наше счастье здесь, не за горами,

Оно при нас, надежно, с давних пор.

г. Красноволок.

Геннадий РАЗУМОВ,
инженер-гидротехник

В СОККИХ ОБЪЕКТАХ

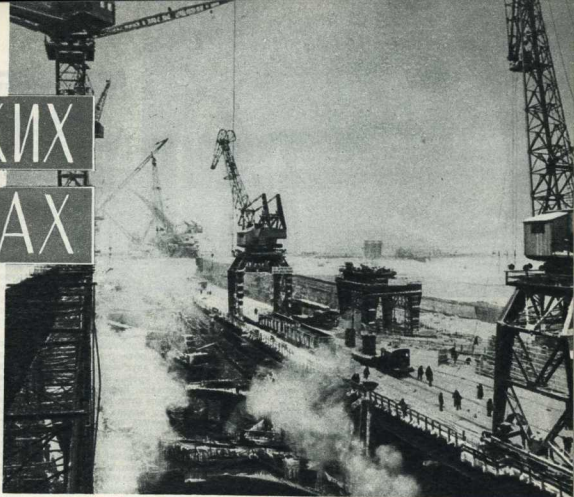
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Сотни молодых специалистов — выпускники институтов и техникумов нашей страны — самоотверженно трудятся на строительстве Куйбышевской ГЭС. Эта гигантская стройка стала для них большой производственной и жизненной школой. Уже завершены лопасти первой турбины гидроэлектростанции. И не за горами то время, когда Куйбышевская ГЭС заработает на полную мощность, как это предусмотрено в Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану.

Мой товарищ, посвящен инженеру Юрию Елистратову. Вместе со всеми строителями он с огромным воодушевлением встретил решение XX съезда партии и вступил в соревнование за досрочное выполнение плана первого года шестой пятилетки.

Коллектив, которым руководит Юрий Елистратов, неоднократно завоевывал переходящее Красное знамя. О первых шагах этого молодого специалиста на стройке мне и хотелось рассказать читателям «Смены» г. Жигулевск.

Г. РАЗУМОВ

Монтажные работы на стройке Куйбышевской ГЭС.

Это было год назад. В Жигулевске стояла необычная для февраля погода. Небо временами темнело, и на землю мокрыми хлопьями падал снег. А когда выглядало солнце, снег превращался в густую серую жижу, в которой вязли ноги прохожих.

Юрий Елистратов с двумя чемоданами в руках остановился перед двухэтажным недостроенным зданием, возвысившимся среди изрытого экскаваторами пустыря. Хотя этот дом еще не был приемочная комиссия и в нем не было даже водопровода, здесь уже устроили общежитие для молодых специалистов. В нем предстояло жить и Елистратову.

По всему видно было, что выпускники московских, ленинградских, саратовских и других вузов, поселившиеся в общежитие, чувствовали себя превосходно. Напоминал обычный для строителей быт. В одной из комнат на голый стенке висел чертеж гигантской стройки на Волге. На нем красным карандашом были отмечены уже возведенные сооружения. Этот простой лист сильно напоминал карту военных лет, когда альма-матерями отмечались каждый отбитый у врага населенный пункт...

Отдохнув с дороги, Юрий отправился за назначением в отдел кадров управления правого

берега. Там ему предложили пойти в производственно-технический отдел или в лабораторию. Но он отказался: не для его беспокойного характера работа в конторе. Юрия Елистратова назначили прорабом третьего участка.

Узнав, что молодой инженер только что окончил Саратовский институт, начальник участка Георгий Яковлевич Полковок сказал: — Это хорошо. Построим Куйбышевскую ГЭС и подем вниз по Волге Саратовскую гидроэлектростанцию соорудить. Но у нас, голубчик мой, до Саратова работ полов рот. Вы будете отвечать за монтаж плит-оболочек. Дело, предупреджу вас, трудное, и отнеситесь к нему надо со всей серьезностью.

На следующий день Елистратов вышел на свой участок. Ему сразу же поправилась напряженная трудовая обстановка, по душе пришлось стремительный темп стройки.

Громидные железобетонные плиты-оболочки привозили на участок с завода на железнодорожных платформах. Юрий должен был точно знать, куда какие плиты поставить. На первых порах это ему давалось с трудом. Он часами просиживал в прорабской будке, изучал чертежи. Ведь существовали сотни типов плит-

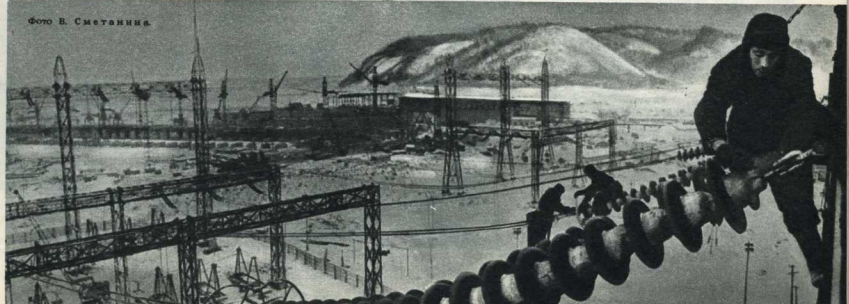
оболочек. Нужно было не только правильно указать их на заводе, но и добиться своевременной доставки.

Но Юрия не пугали трудности. Он любил тяжелые работы. Забираясь на самые высокие отметки и стоя на арматуре, молодой инженер дрижировал работой трех — четырех башенных кранов. Еще во время практики, на строительстве Камской ГЭС, Юрий научился управлять работой талкелажников и теперь не чувствовал себя новичком. По выразительному вымаху его руки тяжелая плита плавно устремлялась вверх, а затем под ровное гудение мотора поворачивала в сторону. По команде «май-на!» крановщик медленно опускал плиту, и рабочие, подхватив ее, устанавливали строго по отвесу. Одна за другой росли ряды плит, намертво прикрепились электросваркой к арматуре. А потом и образованную этим плитам-оболочками «посуду» заливали бетоном, который, схватившись с арматурой, превращался в твердый, прочный камень.

Начальник участка был прав, предупредил Юрия, что работа предстоит трудная. Молодой прораб все больше и больше сам убеждался в этом.

Комсомольская бригада, возглавляемая Д. Коваленко, систематически выполняет задания на 200 — 230 процентов. На снимке: Д. Коваленко и члены его бригады на монтаже высоковольтной линии Куйбышев — Москва.

Фото В. Сметанина.

Неподалеку от Куйбышевской ГЭС вырос новый город гидростроителей — Жигулевск. На снимке: одна из улиц юного города.

Как-то к нему пришел крановщик одного из баенных кранов. Вынул из кармана наряд на выполненную работу, он тоном, не допускающим возражений, сказал:

— Подпишите. Не беспокойтеся, а все уже заполнил — расписал, как положено.

Елистратов внимательно просмотрел наряд и вскричал от негодования: количество перерешенных грузов было завышено втрое. Он резко отодвинул наряд в сторону:

— Заберите и больше ко мне с такими бумагами не приходите!

Лицо крановщика вытянулось от удивления.

— Ах, вот как! — загорнил он раздраженно. — Новые порядки устанавливаете? Не подлисите — не надо! Но вам же хуже будет, вы меня вспомните еще.

Елистратов не выдержал. Встав из-за стола, он указал на дверь.

— Уходите! Я сегодня же поговорю о вашем увольнении!

— Руки коротки! — Крановщик хлопнул дверью, и его толпа загремела г-де-то на стройплощадке.

Вечером Юрий рассказал о случившемся старшему прорабу Бирюкову. Тот, оказывается, уже все знал.

— Напрасно вы настраиваете против себя крановщиков, — сказал он. — Вам надо научиться ладить с ними. Тогда они и работать будут лучше. А увольнять рабочих мы не можем: не такое сейчас время.

На следующий день, как обычно, расставив рабочих по местам, Елистратов забрался на крановщик. Убедившись, что с крана № 5 его увидели, он замаял рукой, показывая на платформу с плитам. Но что такое? Кран не слушался, стрела повернула в противоположную сторону, ганди подняли армоферму и подаль от арматурщика, работавшим на другом участке. В блок, который готовил Юрий, должен был вечером пойти бетон. Целая бригада простояла, а кран устанавливал ферму другому участку! Что это могло означать?

Медлить нельзя было. По узкому стальному трапу Юрий полез в кабину к крановщику. Обычно тот при встрече с прорабом приветливо улыбался, называл земляком, а сегодня встретившись с Юрием холодно, заявил, что сейчас не может обслуживать его участок, поскольку у арматурщика аварийное дело да, кроме того, на кране шалит редуктор.

Юрий спустился вниз разстроенный и злой. Конечно, вечерний хапуга выполняет свою работу.

За неделю кран № 5 установил Юрию только шесть плит. К вечеру блок не был готов, и график бетонирования оказался невыполненным. На оперативном совещании Елистратов поспешил объяснить, почему это произошло. Волевым, Юрий рассказал, как было дело.

Георгий Яковлевич стукнул кулаком по столу:

— Вы правильно поступили, Елистратов! Пора призвать к порядку крановщиков! Мы сами их изболдовали и сами должны выправить положение.

После этого оперативного совещания был разработан новый порядок работ баенных кранов, составлен специальный график. Отныне

наряды крановщикам подписывал только тот прораб, который руководит ими.

...Никогда за все пятнадцать существования «Куйбышевгидрострой» строители не работали с такой четкостью и с таким энтузиазмом, как перед пуском первой турбины. Именно в эти месяцы был побит мировой рекорд скорости укладки бетона, который десять лет назад установили американцы на строительстве плотин Гранд-Кули. Но самые трудные работы были впереди: предстояло перекрыть русло Волги плотной, направить воду в долинные отверстия.

Третьему участку поручали возвести один из важных пусковых объектов — монтажную площадку. В течение двух месяцев надо было поднять до нужного уровня стены машинного зала, забетонировать подкрановые консоли и проложить на них пути для мостовых кранов.

Еще несколько недель назад бригада Елистратова установила на 62-метровой высоте красную звезду. Долгое время эта звездачка была маяком, к которому тянулись длинные прутья арматуры, широкие рамы плит-обложки и бутристые массы бетона. Теперь пришло время, когда вместо звездачки на отметке «62» должны были протянуться мощные железобетонные консоли с заданными на их поверхности рельесами.

В эти месяцы Юрий Елистратов возвращался домой очень поздно. Догонял бегаю по стройплощадке, спорил, доказывал, убеждал. Хотя ему приходилось теперь работать по десять — двенадцать часов, он не чувствовал усталости. Молодого инженера вырвала из напряженности и энергичности.

Целую неделю кропаясь он над чертежами подкрановых консолей, но заказанные им и установленные его бригадой плиты на десять сантиметров оказались ниже проектной отметки на стены машинного зала, измерил плиты, проверил их количество, размеры. Но результат оставался все тот же: десять сантиметров не хватало.

А между тем приближался срок бетонирования. Арматурщики уже смонтировали на шестьдесят второй отметке свои армофермы, а Елистратов все еще упорно искал обложку.

В один из этих трудных дней, когда Юрий, задумавшись, сидел над чертежом, в прорабскую пошел старший инженер-геодезист Василий Павлович Смирнов.

— Что, напортачили, Юрий Андреевич? — спросил он, подсаживаясь рядом. — Боишься? Правильно делаешь. Начнут тебя теперь пещить на собраниях и, чего доброго, еще в газете проберут...

У Юрия и без того было неважное настроение, а этот разговор совсем вывел его из себя. Он сердито буркнул:

— Все-то вы знаете, Василий Павлович, до всего вам дело есть! А вот чем дразните меня, лучше помогите бы. Никак обложку найти не могу.

— И не шик, — с хитрой улыбкой ответил Смирнов. — Я тоже искал, да раза два. Плиты правильно стоят. Нет ее, обложки-то.

— Как так?

— А вот так. Сегодня только поняв, в чем дело. Сооружение под действием своей тяжести осело на десять сантиметров. По этой причине и оказались твои плиты ниже шестидесяти второй отметки.

Юрий покраснел и, ничего не сказав, вышел из прорабской. Этот случай послужил для него хорошим уроком.

Теперь вплотную встал вопрос об устройстве деревянной опалубки для бетонирования подкрановых консолей. Начальник участка Георгий Яковлевич Поляков был за установку опалубочных щитов на обычных подмостках, которые поддерживали бы щиты снизу. Такие подмостки сконструировали в техническом отделе. В их прочности и надежности не было сомнений, но они получились громоздкими и дорогими. А почему бы не применить подвесную опалубку, более простую и дешевую? Подвесить опалубочные деревянные щиты снизу к арматурным фермам на крепкой проволоке.

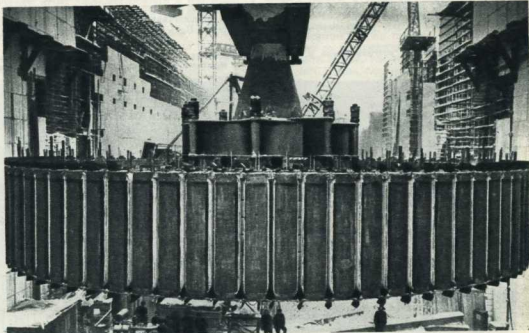
В образовавшиеся таким путем «пустоты» залить немного бетонной смеси; она растечется по опалубочным щитам и, застывая, образует прочную бетонную плиту. После этого она уже сама будет служить опалубкой, и в нее можно заливать остальную массу бетона. Такой способ уже применялся на «Куйбышевгидрострое». Внимательно выслушав молодого прораба, Георгий Яковлевич сказал:

— Слишком ответственные эти консоли, чтобы пойти на риск. А вдруг опалубка сорвется?

— Давайте попробуем, — настаивал Елистратов. — Если не получится, сразу же установим подмостки.

Посоветовавшись с главным инженером района, решили попробовать. Юрий горячо взялся за дело. Есье и еще раз проверил прочность крепления опалубки к армофермам, неоднократно устанавливал плотников переставлять щиты.

Наконец наступил ответственный день. Задражал от напряжения стальные трубы бетононасоса, зажужжали вибраторы, пошел бетон. Волевым, Юрий снизу раздвигал опалубку; а вдруг не выдержит, вдруг сорвется? Но щиты не подвинулись, бетонирование шло благополучно. Вскоре подкрановые консоли были го-

Установка ротора. Какими маленькими выглядит люди на фоне этого гиганта.

НАБОЛЕВШИЙ ВОЛГОС

Рассказ

«Здравствуйте, уважаемый доктор Иван Ильич!»

Вд, наверно, давно забыли меня, а я все помню и буду помнить, как родного отца. Пишет вам тот самый сержант Александр Бобров, который лежал в госпитале после известного вам случая на границе. Я тогда не думал, что останусь жива, но в данный момент вполне здорова, устроился на хорошей работе и глазку вперед бодро.

Не удивляйтесь этому письму, а прочитайте его терпеливо до конца. Пишу вам от чистого сердца по наиболеешему порыву, а о чем именно, узнаете в дальнейшем.

Меня, как вы помните, после ранения демобилизовали из армии. Сказать по правде, не хотелось покидать друзей, с которыми три года без малюго дела и горе и радость. Но что поделаешь! Такое вильское решение... Прощались я с товарищами, получив все, что мне полагалось, сел на поезд и — домой.

Недалеку пожил у своего приятеля, слесаря Харьковского тракторного завода. Отдохнул, омылся, а потом решил вернуться к прежнему своему ремеслу и поступил на службу в строительный трест шофером. Там, кроме меня, еще пять шоферов. Хорошие оказались ребята боевыми. А начальник гаража, вообразите себе, Иван Ильич, — девушка! По виду ей можно дать лет двадцать, не больше. Я на нее сперва никакого внимания не обратил: девушка, ну и пусть себе девушка!

Поработал месяца два в полном спокойствии. Все у меня шло хорошо, прилично. Машину давал новую, аккуратно ремонтировал, зарплата тоже подходила. Что касается личного быта, то и здесь все получилось лучше не придумаешь: недалеко от гаража наша комната со столом и стиркой белья, и квартерная хозяйка вполне симпатичная, а главаря, заботливая. Одним словом, я доволен.

Теперь перехожу к главному.

Новый способ установки опалубки восторжествовал!

В день, когда должен был состояться пробный въезд мостового крана на монтажную площадку, у машинного зала собралось много народу.

Механики закончили профилактический осмотр крана. Вот уже два команда трогаться. Но крановщик что-то медлит. Вдруг показала его фигура — он спускается вниз.

— Скоро перебежит у нас, — сказал крановщик, — пусть уж мой напарник возьмется за это дело. Ждать недолго, он скоро придет.

Было ясно: крановщик струсил.

— Что, боитесь, не выдержат консоли? — спросил начальник участка.

— Да, боюсь. Кто их знает, эти консоли? Трещит вся бетон, и поминай как звяки...

Противостоявший при этом проектировщик консолей резко повернулся в сторону крановщика.

— Трещит, говорите? А ну, пойдите вместе! По моему чертежам консоли сделаны, мне первую и отбечать.

Смехана № 6.

Рисунки А. Ливанова.

Вернулся я однажды из дальнего рейса, завел машину в гараж, а тут к одному из шоферов приехал брат из Ленинграда, по специальности токарь-скоростник, и пригласил нас осветиться пивом. Я думал, что задержусь не более как на часок, а вышло куда дольше! Пива выпили самую малость, а время провели в беседе. Тонера рассказывала о своей поездке в Китай, о том, как он помогал китайским товарищам осваивать скоростное резание... Ну как оборвать такую беседу! Непротив, слушал бы его до утра.

Наконец разошлись. Возвратился в гараж и нарывается на своего начальника.

— Почему, — спрашивает, — машина не помыта!

— Не успел.

— Это пустая отговорка. Вы должны помыться своей обязанностью.

Мне следовало бы придержать язык, потому что она рассуждает правильно. Но я не сдержался.

— Прощу меня не учить, Я ученик.

— Не смейте грубить, — отвечает она. — Немедленно привезите машину в порядок.

Я закинул, взял вкляма меня досада! Главное, тут товарищам. Ну пусть бы все с глазу на глаз...

— Ска-а-жите, как грозно! Я вам не мальчишка, чтобы мною командовать!

А она:

— Ступайте из гаража. Утром поговорим.

— Хо-хо! — ухураюсь! — Испугали!

— Марш!

Утром прихожу на службу, а дежурный мне говорит:

— Саша, тебя начальник вызывала.

— Значит!

— А кто ее знает!

Захожу в кабинетик независимой походкой, самуся.

— Встаньте. Вы не спросили разрешения садиться.

Я встал, Стоя и разглядываю ее в упор.

Спросите, Иван Ильич: красива? Не сказал бы, что красивая... Сдвинула брови — брови у нее черные, и глаза то же самое — черные, а лицо бледное.

— Вы, — начинает она разговор, — бывший пограничник, награждены за воинский подвиг, поэтому я решила на первый раз обойтись лютым выговором и не срывать вас в приказе.

Но если подобный случай повторится, не посмотрю на вас! прежде заслуги.

— Это все? — спрашиваю.

— Все.

Вывод, одну минуточку. Позвольте вам заметить, уважаемый товарищ: я очень вас строго. Нельзя ли поговорить со мной помягче!

Крановщик немного помялся, но все же пошел на кран. Вслед за ним поднялся и проектировщик.

— Сейчас начнется, — с тревогой подумал Юрий. — А вдруг что-нибудь не так?

Крановщик издал хлопок: зашумел трое на лебедке, и кран тронулся с места.

Вот он подошел к границе монтажной площадки, заступал колесами на стывки рельс и медленно всей своей дрожжащей стальной массой выкатил на консоли. Лично крановщика переяснилось, а проектировщик снял шляпу и весело помахал ею: все прошло благополучно! Железобетонные консоли выдержали испытание. Юрий облегченно вздохнул: это была и его победа.

Начинался новый этап строительства. Центр тяжести работ все больше перемещался к монтажникам. Еще не кончилось время «большого бетона», но уже полным ходом шла сборка более robust турбинами, устанавливались гидротехнические затворы. Большие события происходили на стройке. Была перекрыта Волга, рождалось Кубышевское море. А через ме-

сяц два стареньких мостовых крана подыали с монтажной площадки многоэтажные узлы гидротрагетов и один за другим унесли их к фундаментам здания ГЭС.

Накануне Нового года закупились опалубки первой турбины, и мощные потоки электроэнергии похитились по высоковольтной линии.

...Всего лишь год прошел с того дня, как Юрий Елистратов с немодными в руках переступил порог обещания молодых специалистов. Но за этот год он многое узнал, многое научился, стал настоящим инженером.

Не гаснет электрическое зарево над стройкой. Еще много дела арматурщикам, бетонщикам, монтажникам. Но основные работы завершены. Штатя домой по расчищенным улицам города, Юрий думает о будущем. Скоро молодым специалистам снова соберутся в путь-дорогу — на одну из новых строек, намеченных Директивами XX съезда партии. Вместе улетителю с ее исключенным размахом Юрий Елистратов и вступит уже опытным инженером. Руки и сердце простоят туда, где можно показать и силу, и волю, и шпурту молодой натуры.

— Помогите! Вы нарушили трудовую дисциплину и просите, чтобы я говорила с вами помалочку! Послезавтра вы обратитесь с подобной просьбой и начальнику заставят! Вы должны быть образцом для остальных шоферов, а не другим примером.

— Меня невинны.

— У меня тоже нервы, однако я имволю не даю.

Я обзависла:

— Отчего же у вас нервы, позвольте спросить? Я, скажем, кровь пролила, защитила границу. А вы?

— Это к делу в данный момент не относится. Мы говорим о службе.

Я сперва слов не нашел, а потом говорю: — С вашим характером вам бы танковым коном командовать, а не зарком. Если желаете, а могу подать заявление об увольнении.

— Мы вас не отпустим. Здесь не цирк: поправилось — сижу, разлезаю, а не поправляю — встал, надел пальто и ушел. Повторяю вам на государственной службе.

— Понятно. Разрешите идти?

— Идите.

Вот когда заиграла во мне обида! Места себе не мог найти... Ну, хорошо. Продолжаю работать, а когда в гараж заходит начальник, не смотрю на нее, не замечаю. У меня от ее большого лица и черных глаз аж зубы щемит... Вы думаете, она только меня подтупляла! Куда там! Все шоферы так выжили, кто в гараже никто не закурит, боже сохрани! Куртки на лавку не кинут! Для одежды имеются шкафы! Больше скажу, никто из нас крепкими словами не обмолвится!

Уважаемый Иван Ильич, я от вас ничего не требую и не хочу замалывать свои грехи. В своих глупых мыслях я дошел до того, что стал возмущать остальных шоферов против начальницы.

— Юбка... говорю, — вам командует, а вы все одно как цуцик! Крам, констелов! Но товарищи не поддерживают меня.

— Ты, Саша, неправ. Она, конечно, строгая, может, даже чересур, но занервно никого не обидела. Поставь себя на ее место, и ты там же будешь. Служба требует порядка.

Стала мне работа в страсть поперек горла. Я подаю заявление об увольнении. Через день она возвращает мое заявление с резолюцией начальница производственного отдела: «Не вижу веских оснований для увольнения. Отказаться».

— Это по вашему совету мне отказано? — спрашиваю.

— Да.

— Почему?

— Здесь написано: нет веских оснований.

— Ага, всяких. Все равно. Мне с вами работать никак невозможно.

— Исполняйте свои обязанности, а обо мне не думайте. Тогда все будет хорошо.

— Я стою на своем:

— Не держите меня, Екатерина Ефимовна, прошу вас.

Она задумалась, вздохнула:

— Садитесь, поговорим открыто.

— Не о чем нам говорить.

— Нет, есть. Садитесь.

Я сел.

— Выходит, будто я провинилась перед вами? — спрашиваю — и глядит сверху черными глазами прямо мне в душу. — В чем же именно? Уж не в том ли, что требую от вас добросовестного отношения к работе?

— Не знаю, — отвечаю, — не могу объяснить. Я дослужилась границе три года без надрого и не то что наказана — замечания ни разу не имел. А тут трех месяцев не прошло — и столько неприятностей! Зачем мне это нужно? Вы меня не любите, я вас: никто нас не уважает, можем разойтись».

— Как это вы так странно рассуждаете! — отвечает она. — Я вас не люблю, вы меня... Мы с вами на работе...

— Не уговаривайте, я не маленький.

— Я не уговариваю. У вас боевая награда, Александр Артемич, уважайте ее.

— Огляди ничего не скажете!

— Что же я могу еще сказать?

— Честь имею клянутся.

Вот что у нас получилось: ссора, раздор...

А вспомните, Иван Ильич, то время, когда я

после ранения лежал в госпитале: мог ли кто-нибудь сказать про меня, что я грубиян, неотесанный человек? Обижал ли я санитаров или кого другого? Не было этого! А здесь сам себя не узнаю. Я иной раз так рассуждаю: «Саша, ты вырост при Советской власти, получил образование, служи в армии, как подобает честному человеку и как положено по Уставу. Что же с тобой случилось, Саша, от куда у тебя это раздражение, почему ты горюшь, как порося? Но ответить на эти вопросы не мог. Признаться, сперва думал, будто это причина моего душевного состояния в нервях...»

Вскоре после разговора с начальником мне пришлось помогать при разгрузке леса на складе, а погода в тот день была самая неприятная: снег, ветер... Я промок, простудился и заболел.

Лежу день и другой, читать не могу: глаза слезятся. Пить и есть мне вовсе не хочется. На третий день — это было в воскресенье — слышу на кухне разговор:

— Товарищ Бобров здесь живет?

— Здесь, девушка.

— Можно к нему?

— Можно! — кричу.

Входит — кто бы вы думали! — Екатерина Ефимовна, мой начальник. У меня сердце зашло от волнения: никак не ожидал видеть ее у себя... — Садитесь, — говорю, а сам глядя с нее не свожу. Оглядел — унять нельзя. В гараже на ней, как обычно, кожаная куртка, простой свитерок, а здесь модное шерстяное платье, лакированные туфли...

Она, однако, не села, а только осмотрелась и спрашивает:

— Что с вами, Александр Артемич?

— Грипп. Вы болюлетень на століке. Можете удостовериться.

— Я вам и так верю.

— Тем лучше.

Она молчит, и я тоже молчу.

— Не надо ли вам чего-нибудь? — спрашивает Екатерина Ефимовна.

— Спасибо, ничего не надо. Зачем напрасно беспокоиться...

— Помилуйте, какое же беспокойство! Смотрите, она вынимает из сумочки два яблока и кладет на століке. Когда я увидел эти яблоки, мне показалось, будто меня ужалило что-то.

— Это вы зачем? — спрашиваю. — Благодарю, я не алаки.

— Да! Странно...

Оглянул молчанин. Наконец она надевает шляпку, натягивает перчатки.

— Мне пора. Выздоровляйтесь, Александр Артемич.

— Постарайся.

И кричу хозяйке:

— Проводите, Пелагея Васильевна!

Когда стукнула дверь и я понял, что Екатерина Ефимовна ушла, рванулся с постели и бросился за ней вдогонку. Но хозяйка перешла мне и заложила дверь на засов.

— Вы что, с своим умом? Посмотрите на себя в зеркало! Ну, поспорились, так что ж за беда! Выздоровевте, помирнитесь. Ступайте-ка в постель.

Я трогался, лег. И такая охватила меня печаль, такая жалость, что места не мог найти...

Теперь объясните мне, уважаемый Иван Ильич, что такое человеческая душа с точки

зрения современной науки! У меня от прежней вражды к Екатерине Ефимовне ничего не осталось, а напротив... Если хотите знать, я, может быть, даже питаю надежду, что она придет и простит меня!

И вот она пришла: только что была рядом, в комнате еще пахнет ее духами, а я оскорбил ее, пренебрег ее вниманием... В те минуты я называл себя и дураком и ишмаком, а что толку!

О многом переудулял я за ту ночь: и о себе, и о ней, Екатерине Ефимовне, и о том, существует ли судьба или это не что иное, как мелбурожуемый предрассудок... Пробовал читать — никак так чтение!

Утром позвал квартиру хозяйку и говорю ей:

— Пелагея Васильевна, родная, не откажите: пусть ваш сын Гриша сбегает в гараж, попросит начальница зайти ко мне вечерком.

— Сейчас пошло.

Прощаю попла, а может, больше. Верну-

— Дядя Саша, вот дела-то! Прихожу я в гараж, спрашиваю: «Кто здесь начальница?»

А одна тетка отвечает: «Я начальница». Я сперва не поверил, душой обманываюсь. А потом оказалось, правда.

— Что она тебе сказала!

— Приду, говорю...

Дождился ввечер. Вспомнил какое-то слово, сказанное между наемкой и вину яксно: моя вина в том, что я не хотел, что простить меня никак невозможно. А если так, то как же может быть, чтобы она пришла!

Часов в восемь слышу стук в дверь. Она! — Войдите!

Вошла, а в глаза мне не смотрит.

— Здравствуйте, Александр Артемич. Лучше

— Выздоровляю.

— Зачем звани!

— Сейчас скажу... Присаживайтесь, Екатерина Ефимовна. Не хотите ли чайку? У меня и варенье найдется...

— Спасибо, не хочу. Я... у меня времени мало, Александр Артемич. Говорите, что хотите сказать.

Она слова не могу вымолвить, только смотрю на нее. И, должно быть, так смотрел, что она чуть не до слез покраснела...

— Ну!

— Не торопите, Катя, мне трудно... А впрочем, я коротко: если можете, то простите меня.

— Мы потом поговорим, когда выдворювете.

— Слушаю. Об одном лишь попрошу: дайте мне руку. Ведь вы не поздравлялись...

Она подала руку, и мы помолчались.

— Все, простите! Нет, не все, Иван Ильич. Все того у нас, как говорится, царит мир и полное согласие. Я работаю, она в гараже командует — и никаких споров, никаких недоразумений... Но вот назвать ее Катей я больше не решаюсь. Вижу и понимаю, что девушка эта — моя судьба; казалась бы, чего же тут бояться? «Подойди к ней, дурунь ты зтакий, и скажи ей, что полагается» — так думаю, когда встречаюсь с ней. Но, как сказал выше, не решаюсь. Это я, уж простите, говорю.

— Вы не хотите, чтобы я так говорил? Можете быть, это потому, что я еще вину свою перед Катей не искупил, а? Как ваше мнение, уважаемый Иван Ильич!

Простите, что ввечерно вас запросто Иванов Ильичем, а не товарищем подполковником, как велит Устав. Но, сидя над этим письмом три ночи подряд, вспоминал вашу ласку и сердечную заботу, а также и то, как вы кричали на меня, когда я по глупости сказал: «Чем так мне мученья, то лучше бы помереть!» — и как вы, не жалея своих сил, ткнули меня жезл и выткнули.

Поэтому я и позволил себе писать вам просто, как писал бы родному своему отцу, если бы таковой у меня был.

Было бы еще одно письмо Иван Ильич. Надюсь получить от вас ответное письмо с добрыми советом... О чем? Честное слово, сам не знаю! Просту душа полна, и я жду чего-то хорошего в моей жизни, вот и потянуло поделаться с вами, Иван Ильич. И хоть я вам не сын, но считаю себя вроде вашего сына, уж вы не обижайтесь, родной Иван Ильич...

г. Харьков.

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Я живу на Дальнем Востоке с 1924 года. С 1930 года ежегодно приступаю к летним экспедициям по изучению флоры и фауны Дальнего Востока. Побывал в бассейнах Зей, Бурей, Уды, Хоры, Енисея и других дальневосточных рек, был на Камчатке, Сахалине, Охотском море, на Шантарских островах, проехал несколько раз по побережью, а в августе 1935 года посетил Амур и Обь.

Часто я бывал в Южном Приморье. Работал директором Сулутинского заповедника на протяжении трех лет и научным сотрудником в заповеднике «Ильорва Падь».

В 1935 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Растительный покров Шантарских островов». Я оказался первым исследователем-ботаником на Шантарских архипелаге.

Направлено в наше распоряжение несколько небольших зарисовок краеведческого характера, написанных на основании собственных впечатлений по результатам многолетних путешествий по Дальнему Востоку. Рисунки и моему материалу выполнены известным Хабаровским художником В. Романовым.

г. Хабаровск.

А. НЕЧАЕВ

ОТВАЖНЫЕ ПЛОВЦЫ

Мы стоим на берегу таежной красавицы Бурей, несущей своей волы к великому Амуру.

Повзды — трудный путь через лес, где каждый шаг сквозь хитросплетения лян, сквозь прочную сетку переплеток лоз дикою выносом и липовички делаетя цепью больших усилий.

Вперед! быстрая река. Она бросается на каменные глыбы, облетает их белой пеной, образует бешено арчающиеся вихри.

— Ну, как, переберемся? — спрашивает а сына Витю.

В пятнадцать лет трудно сойти, что ты чего-то боишься, что тебе страшно. И, злобо перелернув плечами, Витя отвечает:

— Переберемся, конечно! — и, глядя на стремительные воды Бурей, как бы между прочим добавляет: — Вообще-то здесь я на лодке неелего переплываю...

Под обрывом, на котором мы стоим, таяется поноса галька, переливающаяся в лучах яркого солнца разноцветными красками.

— Папа, папа, смотри! — вдруг дергает меня за рукав Витя. — Кто там плывет?

В нашу сторону с другого берега двигались три черные точки. Кто же эти смельчаки? Я посмотрел в бинокль: то были козлы.

Мы широтах так, чтобы видеть животы и в то же время самим оставаться незамеченными.

Первым двинулся вперед изысканно голый с небольшими копытными рогами, плыл самец-козел. За ним, на некотором расстоянии, тянулись едва безрогие козочки. Чем ближе к нам подвигались козлы, тем заметнее было, что они двигаются очень быстро, легко и грациозно.

Вот на разбегу в глазах поплы галка вылезл козел. Его

стройный, словно выточенный слугу выскладывал на фоне темной реки, как мраморная статуэтка. Ноздря его широко раскрытые и нервно трепещущие, жадно вдыхали воздух, мокрые бока тяжело поднимались и опускались. Даже этому прекрасному пловцу переправа через бурную реку далась нелегко. Но самец тотчас же повернулся к реке и, нетерпеливо постукивая копытцем о гальку, стал выражать беспокойство за своих подруг. Козочки плыли, прижавшись одна к другой, глубоко зарывшись в воду после каждого выдохорота.

Едва козлы вышли на берег, козел отвел их в тень, под шарообразную иву. Инстинкт не позволил даже утомленным животным: не успев войти под иву, они начали чутко прислушиваться, повсюду молхатили длинными ушами и пугливо озирался.

— Какие красавицы! — не выдержав, шепнул мне на ушко Витя. Нечаянно задетая им сухая ветка едва слышно хрустнула. Этого было достаточно, чтобы козлы, как по команде, повернулись в нашу сторону ширя. В глазах их мелькнул испуг, и они огненными пятнами пронеслись перед нами и исчезли в асее.

ЗЕЛЕННЫЕ КОРАБЛИ

Ранним августом утром мы с Колей Захаровым, сыном охотника, старожилки здешних мест, были в легкой озорнице по неподвижному озеру. Оранжевая полоса поднимавшейся зари становилась все ярче, в воздухе отчетливо слышался каждый звук. Вот хрустнула на берегу ветка; видно, прошел кто-то грузный; вот дятел принался за свою работу, словно маленьким молоточком по наковальням замычал, вот в прибрежных камышах что-то зашуршало, заволось. Приозерный край пробужалося.

Коля бесшумно и ловко греб двусторонним веслом, сияя апреля мис. Врем от времени он как бы застывая и молча смотрел по сторонам, отыскивая доставленные нами вчера капканы. Я же, положившись на зоркость мальчишки, любовался озером, покрывтым листьями водных растений. Среди них преобладали местные овалыные кукушкины, кубышки и острцы, словно отточенные, копия стрелолиста. Словно прозрачную воду виднелось дно, но какое! Это был настоящий луг, поросший лохматыми кустиками урута, светлокоричневые листьями рдестов и побегами водных ососнов. Весь этот призрачный луг колебался булото от порывов ветра: у дна было небольшое течение.

Взвуг негромко, но совершенно отчетливый свист прорезал воздух. Я поглядел на близкий берег. Но там ничего не было. Свист повторился. Я посмотрел вверх, но и в небе ничего не заметил.

Коля тихо рассмеялся:

— Да нет, давед Андрей, те коршуна и не человек свистит. То же крысы водные, как вы им зовете, он-да-три — пролезли он по слогам и показал коком весла на небольшой зеленый островок, который покачивался неваделю.

— Только тихо, чтоб не наугать, — согласился я.

Островок был не более двух — трех метров в диаметре и походил на курган. Мы бесшумно подплыли к нему почти вплотную и увидели ослеп, некрутных темновыя зверьков. Они завтракали, ашнитоно хруста мискянтыи корнями кубышки и белыми побегами осок.

Так вот она — кормовая плодощадка, столовая и спальня он-

дарт! Они сами построили этот остров из корней и побегов озерных растений.

Затем дыхание, я наблюдал за зверьками. Коля, выстроив свой край, смотрел на ондарт равнодушно.

Легкий ветерок пробежал по воде. Островок тронулся с места и, медленно покачиваясь, поплыл к центру озера. Голубоватые ондарты продолжали спокойно завтракать, а рыжая взрослая ондартя забралась на самую верхушку курганчика и, стоя на задних лапках, повернула устатую мордочку в сторону противоположного берега.

Словно корабль плывет, а крыса — капитан, — заметил Коля. Улыбнулся, он сильно ударила веслом по воде — и тотчас же от зеленого корабля доносился свист и такие слышались ондарты нечелов по воде.

Коля, зиновато поглядая на меня и встракнув чубчиком, заговорил с неожиданной словоохотливостью:

— Мы еще их увидим, вы не отгорячитесь. Крысы эти всегда на одном и том же месте едят, тоною в столовой. Срежут кубами камыш, оску ил тростник и плывут в свою столовую. В другом месте кушать не будут... Забавный зверек! И отыскает адею, на островке, и иргает толпе. Правда, иргают они больше по вечерам, днем их редко увидишь: спят. Точно слычу, ночью промишуют!

И смотрел на плывущий, покачивавшийся, удаляющийся зеленый хомяк. В наводнение, когда кругом на высоте километры нет суши, животные спасаются на этих островках. Хотя мускулатура крысы, чей мех очень высоко ценится, — превосходит пловца и заметательные импализации, но попорбу суканью не выдезает из воды. Тут-то и вырывает их пловучий островок.

ЛОСИ В ВОДЕ

Мы плыли по озеру Сутжак. Скоро Лосный залп, — сказал мне мой юный спутник зяек Шура, тихий и скромный мальчуган, на редкость меткий, удачливый охотник.

Высокий камыш с жестким хрупким стержнем по нашему бату — золотой лодке, был по рукам, лигу, оставшая на одежде полоса цветной пылится. Мы подкрадывались к узкому Лосному залпу — изобильному месту летнего купания, кормления и детского отдыха лосей.

— Здесь сохатый каждый день бывает, — пояснил Шура, стоя на корме и отталкиваясь длинным, гладко обточенным шестом, конец которого улавлял за влистом дна.

По краям озера скоро заросли камыш и тростника можно было различить тонкие берега, поросшие травой и ольхой.

Было жарко, солнце стояло высоко; все, казалось, дремало в истоме. Над нами родились комары и мошки — эта наивная тайга, был всего живого. По мере приближения к Лосному залпу камыш делался все гуще и выше. Это были настоящие озерные джунгли, с которыми нам приходилось вести упорную войну. Но как же интересно оставались примятые растения и ярко блестящие участки серо-зеленой воды. Чтобы скорее увидеть желанную цель, Шура встал во весь рост и, отталкиваясь шестом, смотрел вперед. Но вот он насторожился, быстро пригнулся и знаком пригласил последовать его примеру. Мы оба легли на дно лодки.

— Лоси! — прерывающийся от волнения голос шепнул Шура — Много!

Наш бат тикал, напоминал коричневое короткое бревно, и мы

надеялись, что сохатые не обратят на него внимания. Бат плыл по инерции вперед, пока не уткнулся в песчаную ямку, заросшую ивами. Мы оказались словно в шатре из ветвей и листьев и были совершенно скрыты от зорких глаз лосей.

Отсюда хорошо был виден небольшой Лосный залп. Его поверхность, словно узорчатой сеткой, была покрыта листьями и частями растений. В сотне метров от нас, у берега залива, паслось огромное стадо лосей. Если считать одну семью — десять голов уже считается большим табуном, то перед нами оказалось не менее тридцати семей, больших и маленьких. Это был табуи самок. Волею маток возлились маленькие светлогорбые лосята.

Одни лоси неподвижно стояли по шее в воде, и только их морды торчали на поверхность, напоминая темные обручи деревьев. Другие же только входили в залп и, вытягивая губы, пили воду. Третьи, отпуская голову, доставали из дна мокрую траву. Они жевали ее, высоко зарвав морды.

Я отчетливо видел бурые бока животных, блестящие на солнце, различая даже их большие выпуклые глаза и струю воды, стекавшие с губ. Лосята резвились на мелководье. Они плавали около взрослых животных, вытягивая вперед головы.

Ушли лоси, длинные, острые, все время тревожно двигались. На берегу находилась старая лосиха, темнобурая, размером с крупного коня. Широко расставив передние ноги, она горделиво поводила головой, нервно шевеля ногами, и только изредка нетерпеливо ударила копытами о землю. Ей докучали комары, мошки, мокрые, она отмахивалась от них, из терпеливо стояла на своем месте охраняя покой стада.

— Нельзя! — сказал я Шуру, заметив, что его рука тянется к ружью. — Самок и толк убавить запрещено.

Мы добывались насухшими в воде стадом, пока старая лосиха не подала какого-то условного сигнала. Все три десятка сохатых бросились на берег. Лишь один молодой камыш, лентя пучком травы на воде да темные следы на берегу говорили о том, что несколько мигновений назад здесь были лоси.

Стоял май. Весна встречала нас легким, теплым ветерком, ярким заласком свежей, только что проклюнувшейся травы. Живописные склоны Халхин-Голова своим многообразием, буйной россыпью белых, золотистых, фиолетовых цветов. Я и девять юных красавцов, участвовавших в экскурсии по родному краю, продолжали сидеть в густых кустах, между которыми высились деревья, опутанные алыми лианами аяурградника, лимонника, астифандии.

— Ой, что это? — испуганно вскрикнул мальчик, шедший впереди вместе с другими юннатами. Повернувшись, я увидел черную змею. Обвив ветку, она спустила голову, быстро шевеля раздвоенным язычком.

— Не пугайтесь, — успокоил я ребят. — Это амурский полоз — змея ее длинотая, хвост и кушается.

Все мы стали наблюдать за полозом. Он мерно ползавался из стороны в сторону, не сводя блестящих черных глаз с одной точки, и, казалось, не видел нас. Сейчас особенно была заметна

та. Вся она дрожала, как будто в озлобе, но даже не пыталась улететь. Словно заверженная, зтичка смотрела в steadily неподвижные глаза холодного, плавающего гипнотизера — таежного удава. А полоз все надвигался на нее... Уже его пасть была раскрыта, и в ней сверкала мелкая зубка. Мы сами находились в каком-то оцепенении, с ужасом ожидая оцепенения.

И тут случилось непредвиденное. Один из юных красавцов выскочил из куста, бросился вперед и смело схватил полоза прямо за горло. Это был Толя Андреев, мой частый спутник по таежным экскурсиям. Угрюмые петлины полоз обвив руку мальчика. Крошечная птичка тряхнула несколько раз головой, точно обсыпаясь с себя колдовские чары змеи, замалужа крыльцами, радостно покинула и прыгнула в густую листву.

Осмотрев пойманного полоза, мы вынули его. Змея поспешно уползла, сверкая чешуйчатой кожей. Временами полоз грозно огла-

бурая дугообразная полоса на его плоском затылке. Лишь пригнувшись к полушуму лесной чащи, мы увидели, что змея пристально смотрит на небольшую птичку бровато-серого цве-

дывалась на нас, длиннших его обхват, а затем скрылась среди подступающего буреюла.

А. НЕЧАЕВ, кандидат географических наук.

На поднятой целине

Стель... Она разная бывает. Весной — конищется буйной порослью трав, пынют горюхатым заласком молодого черберца а паланим летом томят зяном и мандой, хрустят под ногами высохшей, понухнутой травой; зимой она расстелется перед тобой, маня интронуть близноту.

Там, где раньше сновали юркие лисы-огневки, где нетерпеливо трусдой прогала степной оскляк да горлатно икелюлоти беркуты, — там теперь гулит мощные тракторы, раздаются мощные, звонкие голоса: пришел новый хозяин, пришел на той, не на два, а на шесть лет.

Восматривая в эту фотографию, которую прислал в редакцию «Смены» читатель Виктор Усанов из зерносовхоза «Фронт-

Кустальной», Кустанайской области, Казахской ССР. Восматривая, внимаю, вижу, как можно быть, среди пылехой целины конищется паланим молодой, горюхатой, изобретательной на сичине, вы найдете своих товарищей по стачку, своих друзей и знакомых. Они из числа тех трехсот гитдистов тысяч, которые били посланы Лениным комсомолом на передний край битвы за уралою и на своем стане, вы найдете своих товарищей по стачку, своих друзей и знакомых. Они из числа тех трехсот гитдистов тысяч, которые били посланы Лениным комсомолом на передний край битвы за уралою и на своем стане, вы найдете своих товарищей по стачку, своих друзей и знакомых.

— Вы видите послание комсомолом на этот раз не на тракторе, не на зтиральном конище, а на отдышке. Собранный в тени уралою и на своем стане, вы найдете своих товарищей по стачку, своих друзей и знакомых. Они из числа тех трехсот гитдистов тысяч, которые били посланы Лениным комсомолом на передний край битвы за уралою и на своем стане, вы найдете своих товарищей по стачку, своих друзей и знакомых.

Посмотрите, с таким напряженным вниманием смотрит ребятами на зтиральном конище, вы увидите, что руки этих умилудов могут не только извлекать из инструментов то немнине, то зареные мелодии, но и управляют сложными, искусными машинами, которые доверла им страна. Сейчас на степию полпают величайшая пещра, торсионная и бескрылая, как сама степь.

*"Мы будем у вас
в ближайшее
время..."*

Фото Арлетт Роа,
Элена Бертрава Вейля,
Моллера, Жюльера Деню.

Я посылаю мои наилучшие пожелания счастья, радости, хорошей работы и мира читателям «Смены» и всей советской молодежи.

Напомним: мы, моя жена и я, отправимся в путешествие в Советский Союз. Мы будем у вас в ближайшее время — в октябре. Итак, до радостной встречи.

Из МОНТАН,
Симона СИНЬОРЕ

*Имя «SMEENA»
J'avais une fois une merveilleuse idée de
Cordoba, de j'ai de bon travail et de l'air à l'eau
de l'Espagne de SMEENA et je suis allé à la
maison de l'Espagne
J'ai un aller, café, me faire et moi,
je suis si sage que mes deux personnes s'en
ont beaucoup de U.S.A. Mon travail, on eff
peut venir dans le monde de moi
L'Octobre prochain - Oui, nous j'ai à
Paris-tel!*

*Montan
S. Siniore*

Советские люди знают французского артиста Иаа Монтана по фильмам, которые с успехом демонстрируются в нашей стране. Бесстрашный шофер Марно, ставший жертвой бесовских дельцов нефтяной компании, простодушный лесоруб Фонтан, вынужденный драться на ринге, но не закованный торговать своей совестью, — эти и другие образы мужественных, честных людей из народа создал Иаа Монтан в кино и на сцене. Но талантливый артист не менее известен и как вдохновенный певец Трудового Париза. Его проникновенные лирические песенки, прославляющие простых людей Париза, находят отклик и в сердцах советской молодежи.

Знают в нашей стране и Симону Сеньоре — исполнительницу главных ролей в фильмах «Тереза Ранен» и «Тень и свет». Эта южанка — жена Иаа Монтана, его верный друг по искусству, которому они оба посвятили свою жизнь.

Недавно товарищи из журнала «Регар» прислали в «Смену» несколько фотографий вместе с небольшим, но сердечным письмом Иаа Монтана и Симоны Сеньоре, обращенным к нашим читателям. На приложенных снимках артисты предстают перед нами в мало знакомой нам будничной обстановке, и это придает фотографии особую привлекательность и тепло.

Из Монтан в роли Джона Проктора из «Салемских колдуний» — пьесы Артура Миллера, которую поставил парижский театр Сары Бернар.

Ива Монтан в типографии, где печаталась написанная им автобиографическая книга «Солнцем полна голова».

Симона Синьоре и Ива Монтан у себя дома.

Выдался свободный день. Хорошо провести его в деревне...

...Здесь ты шумишь, поешь, остришь
Мой дерзкий,
Мой бунтующий,
Мой радостный Парнож...

→
Встреча Ива Монтана и Симоны Синьоре с советскими кинематографистами, недавно посетившими Францию.

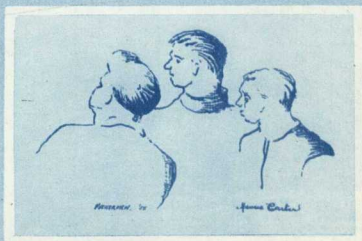
За мир!

Демонстрация.

Малыш Джеффри.

Рыбак.
Рисунки австралийского художника Маури Картера
(см. очерки на 13-й стр.)

МАУРИ КАРТЕР

художник рабочих кварталов

Дорогие друзья!

Посламо Вам несколько моих рисунков и репродукций. Я делаю это с огромным удовольствием, так как твердо верю, что подобное сотрудничество может послужить важным фактором дружеского взаимодействия между народами.

Благодарю за предоставленную мне возможность вынести свои работы на суд читателей «Смены».

С братским приветом
МАУРИ КАРТЕР.

Это письмо пришло в «Смену» из давней Австралии. Редакция решила распространить рисунки Картера на выставке и познакомить читателей с необычайной биографией художника.

Маури Картера хорошо известно жителям Мельбурна и других городов Австралии. Особенно популярно оно в рабочих кварталах, среди металлургов и шахтеров, диванов и рыбаков, обитателей подвалов и мансард. И в этом нет ничего удивительного. Ведь лучшие работы художника посвящены пролетариату Австралии, отображают их чаяния, их горячие стремления к миру, к лучшему будущему, провозглашают Маури Картера, исполненные в оригинальной манере, согреты искренним сочувствием к жертвам опустошительных войн и социальной несправедливости.

Вот один из его рисунков. Дымная завесная охрана. Только что взорвано солнце. На безлюдной улице молодой рабочий расставляет ливень, призывая бороться за мир. Рядом стоят его жена и малолетний сын. Все они в одинаковой мере делят горести и опасности мира, но благодаря жизни борю за мир.

Глубоко впечатление производит рисунок «Мать и дети». Подлинным драматизмом веет от скорбной фигуры женщины, подавленной безысходным горем. Муж убит на войне. Как жить дальше? Надо прокормить детей? Все в этом рисунке дышит трогательной любовью к бедному люду и неустанной ненавистью к поджигателям войны, которые обращают на страдания тысячи танков и обозов целые женщины и детей.

Глаза на картинах и рисунках Маури Картера, трудно поверить, что их создал человек, вот уже семидесять лет приносивший и постигая тягчайшие недуги, который в последние годы мучительно борется с недугом в

Безнадежно парализовала тело Маури Картера, но не сломила духа этого мученика человеческого достоинства. Он решил жить, бороться, трудиться невзирая на страдания, мучительную борьбу с недугом в

Мать и дети.

Маури Картер.

ним обнаружился явный и самобытный талант художника. Вдохновляющим примером для Маури Картера послужила героическая жизнь его русского собрата Николая Островского. Подобно ему, он самостервенно вступил в единоборство с болезнью, чтобы остаться в строю, быть полезным своему народу.

Вышею работой Маури Картер свято хранит сиюминутную верность своему классу. В его рисунках и картинах, которые он пишет на специально подготовленном мольберте, помещая люди труда, их горе и радости, их свободоловные устремления.

Один из прогрессивных австралийских поэтов, Дэвид Мартин, посвятил «художнику рабочих кварталов Мельбурна» Маури Картеру науку от сорняка, дружеские строки:

В его картинах — целый мир борьбы,
И люди предостают в них,
И люди горю стесненные.
Вот горем стесненные
Вот санитарки в халатах шагают,
Вот демонстрации... А вот
Борьба, парализовала тело
На людной улице играют
А на проселочной дороге
Вредит два пакета с гнилым
Цыпленок возит —
И не до трав, и не до птиц
Вот мать сидит с младенцем
И убавляет крошку
Ну, чем она, сияющая,
Как много нежности сидит
...Привет тебе,
Художник-коммунист,
Ишь верный друг и боевой
Ты волей к жизни побуждал
И подлинно ты достоин славы
Твой.

(Перевод В. Зорина.)

Художник-коммунист Маури Картер гордится тем, что рисунки и картины, которые он выдвигает стально дым, вдохновения и труда, украшают стены трущоб и жилищ, что его творчество находит живой отклик в сердцах миллионов простых людей Австралии.

ПО НЕХОЖЕНЫМ ТРОПАМ

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Если мой очерк «О нехоженых тропах» покажет кому-то причину выпячивать его.

Случай, описанный в очерке, действительно имел место. И знал его на своего деда. У меня много таких записей, так или семидесять лет работ в нескольких. В настоящее время преподаю в Московском государственном университете. Завершил кафедру поновому и разведки.

С уважением
И. ШАРАФОВ.

— Бей врагов, загоним в кусты! — раздалась команда. Черный дождь хлестнул задержал плот, и вскоре мы выпрыгнули на берег. Я взглянул на часы. За два часа мы проплыли около пятидесяти километров.

Нустой плот закатился на волнах, его отнесло к середине реки, а мы, продвигаясь от ледяной дельты, побоежи на волнах, а видевшиеся недалеко. Горячие дельшки и вареная олешка стрелы нас. На селуховой дельте мы выжили олешей, спеша отпрянуть на вырчку товарищей, оставшихся в аэровых реках. Но неожиданно дождь прекратился, выглянуло чистое, умятое солнце. Поход можно было отменить. Мы знали: комары пригонят олешей к кострам наших друзей.

Наша маленькая экспедиция отравилась по новому маршруту, влево от старого. Там мы нашли выходы ямных сланцев.

Вскоре к нам присоединились и остальные товарищи.

Экспедиция заткнулась. Мы обнаружили ценные ископаемые. Плоты задержались в узких краях до зима. Река Токо сильно обмелела, лед на ней то ломался, то снова замерзал. Обломки льдин громили друг на друга. Совершенно мороз сковал весь этот ледяной хаос, акрыл пелену рылового снега.

Тюжиская экспедиция акочилась. После нас на хребте Улокан и к северу от него, в бассейне реки Токо, побывали и другие геологи. Но им было уже гораздо легче: они продвигались с помощью карт, составленных нами.

Сейчас все меньше и меньше остается «белых пятен» на геологической карте. Но еще она есть, особенно на востоке. В Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану сказано:

«Усилить геологоразведочные и исследовательские работы в южной части Якутской АССР и в Забайкалье... Провести подготовительные работы по созданию алмазодобывающей промышленности в Якутской АССР».

Геологи врывают все силы, чтобы выполнить эту задачу. Сейчас в якутской тайге уже стучат двигатели буровых станков, раздаются взрывы, выезжают машины. Люди прокладывают дороги, строят мосты, аэродромы, школы, шахты, возводят дома.

Новая жизнь расцветает на далеких таежных окраинах.

И. ШАРАФОВ,
инжендер геолого-минералогического науки.

В еришнем хребте Улокан pokračался снегом. Острые голцы тоже побоели. А внизу, в долине реки Токо, лед дождь. Десятый день на барабанах по тутому полотному палатки, в которой разместились геологи.

Такая погода, конечно, не в диоквику геологам. И мы не стали бы переждать ненастье, если бы олеша находилась с нами. Но они насилье гле-то в голцах, а невозможно было разыскать их. Вот ливень кончился — тогда комары заставят животных вернуться к спасительному дыму костров. Завтра продуктов не на несколько. Двенадцать пресных лепешек и флаги спирта — вот все, что еще оставалось. Охотиться же в дождь бесполезно: все звери и птицы попортятся. Даже рыба, и та ушла в самые глубокие места реки.

Километров за пятьдесят ниже по реке Токо, около устья Алятканки, нас дождались олешевод Иннокентий с продуктами и почтой. Двое смельчаков как-то пытались пробраться к нему по ущелью, но вскоре вернулись: ущелье переходило в теснину и было совершенно непроходимым. Кружным путем к устью Алятканки надо добираться дней пять — шесть. Мы не могли уйти, не закончив съемки: в районе стоянки были обнаружены признаки ценнейших ископаемых.

Требовалось что-то предпринять. Я вместе с двумя добровольцами решил спуститься по реке на плоту. Спиритом, наш олешевод-зубек, сказал: «Дорог нету, Токо совсем плоский, пропал дождь». Однако мы все-таки соорудили плот и решили плыть.

Лавы мы оттолкнулись от берега, а впереди нас выжила теснина. Река вылила. Серые и красные скалы мелькали справа и слева, и мы едва успевали поворачивать плот, чтобы не разбиться о камни. Путешествие с каждой минутой становилось все опаснее, но пристать к берегу было невозможно: плот разлетелся бы в щепки.

Вдург за высокой горой, которую мы благополучно обогнули, шум воды усилился, и вскоре перенесся в дикий рев. Возводил!

Надо было направить плот на самую сильную струю: авось, пронесет. Весла дружно ударили по воде и мы удержались на опасной стрелке. За несколько метров до воюлода я крикнул: — Весла поднять!

Плот давил движим подводную скалу и впереди шло, где шлолоха: несколько мгновений мы находились под водой. Я цепко держался за козлыню. Вскоре плот вынырнул и повнеса дальше.

Протелети еще через два порога. Река стала шире. Самое опасное, как видно, осталось позади, и только тут я почувствовал страх. Ведь мы разбился бы, будь уренье воды немного иначе.

Плот делал широкие калены. Ущелье кончилось. Однако опасность еще не миновала. То и дело встречались огромные валуны. Нелегко было лавировать среди них. Километра за четыре до Алятканки надо было остановить плот, так как ниже устья находились стремнины и скалы.

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

То, что предлагаете вашему вниманию, не претендует на раскрас. Много задумки, вернее, мне подсказала мысль, целый день зарисовок о семье и быте. Люди на этих зарисовках — обличье — я послала вам.

Бас, наверное, интересен, почему я обобщаюсь в «Смеху». Да потому, что у меня самой подрастает свой семья, которая любит этот журнал и умеет находить в нем ответы на многие волнующие ее вопросы. Я вижу в виду мою дочь, студентку 4-го курса Зооветеринарного техникума, и ее друзей.

О себе могу сообщить следующее: родилась в Забаровском, в юности работала слесарем, в более зрелые годы — в газете и на радио. Сейчас я библиотечный работник, всегда опущена молодежью, поэтому хочешь писать о ней и для нее.

Л. АНТОНОВА

г. Благовещенск,
Амурской области.

Многие девушки отзываются о Славке с восхищением: — Интересный парень, хорошо танцует!..

Им кажется, что этого вполне достаточно. К тому же Славка может угостить мороженым, пригласить в кино, сфотографировать: у него всегда с собой фотоплапрат.

Славка начитанный. Он часто бывает в городской библиотеке. С самым глубокомысленным видом толкует о книжных новинках, о строении атомного ядра, о китобойной промышленности и о многом-многом другом.

Славка считает, что он обаятелен и неотразим. И есть немало людей, которые вместе с ним верят в это. Нужно поговорить, однако, что они никогда не видели Славку дома. А дома он совсем не такой...

* * *

Это случилось недавно, в один из тихих вечеров, когда так хочется выйти из душной комнаты на воздух.

Мать Славки, ожидая сына, хлопотала у плиты. Внезапно постучали в дверь, и на пороге оказалась соседка.

— Анна Петровна,— сказала она с улыбкой,— взяла я билеты в кино, но не предупредила мужа, а он купил билеты в оперу на «Русалику». Вот я и решила предложить вам — не посмотрите ли «Опасные тropy»?

— Не знаю, как быть,— смутилась Анна Петровна,— будь Славка дома...

— Да ничего, сами сходите,— сказала соседка, а после нам расщепите. О, совсем забыла: у меня уют!..

Она выбежала из комнаты, даже не прикрыла дверь. «А почему бы и не пойти?» — подумала Анна Петровна. Она надева свою плюшевую жакетку, повязала голову платочком и вышла во двор. У ворот стояли вместе с сыном и радостно потянулись к нему:

— Славки! Поидем в кино, а? — Что ты,— протрунул он удивленно,— с тобой в кино! Выдумашь тебе тож...

Она показала ему билеты, объяснила, как они к ней попали.

— А, уже есть билеты! Ну, тогда пошли.

Приятно было матери идти по улице рядом с сыном, такти выиском, красивым, сильным; всем своим обликом он напоминал покойного отца.

В кино они пришли к самому началу сесии, и едва успели сесть, как в зале погас свет. Фильм поправился им. По дороге домой они разговорились. Собственно, говорил больше Славка, а мать слушала его и восхищалась. Но дома, едва переступил порог, он вдруг помрачнел и заявил, что голоден. Анна Петровна засуетилась, развела огонь в печке, и вскоре на сковороде зашипели оладьи, пышные, румяные, насыщенные пропитанное маслом.

— Сирко так у тебя! — крикнул из комнаты сын.

— Готово, сынок, готово! Садись, ешь.

Мать поставила на стол Баночку со сметаной, придвинула оладьи к Славку, и тот стал есть с завидным аппетитом.

Петровна налила себе чаю, положила в чашку сахар и присела рядом с сыном. Варг Славка отодвинул тарелку и пристально посмотрел на мать.

Чашка аргнула у нее в руке. Что-то было не так.

— Анна Петровна,— Может быть, оладьи пересолила? — Зачем ты взяла сахар? — грубо спросил ее Славки.

— Сахар?.. Ах, Боже мой! — сказала она понять сына.

— Я этот кусок сахара с обеда заприметил! — пояснил Славка.

— Ну, возьмишь другой. Какая разница!..

— Я хотел именно тот! — повторил он упрямо,— он был большой.

И вдруг она поняла... Краска бросилась ей в лицо. Не говоря ни слова, мать ушла в комнату, развела огонь в печи.

Сын спокойно доел ужин, вылил чай и еще час — другой провазился в отгороженном на кухне уголке, провазля негативы. Собираясь пойти спать, он вспомнил, что мать, как обычно перед сном, не заговорила с ним, не спросила, который час.

— Надулась, как мышь на крупу,— сказал он нарочито громко. Мать не ответила. Славка не обратил на это внимания и спустя несколько минут уснул. Но Анна Петровна всю ночь не сомкнула глаз. Она смотрела в темноту, перебирая в памяти свою жизнь и с горечью убеждалась, что радостного в ней было мало. Правда, муж у нее был хороший человек, но прожили они вместе недолго: он погиб в первые месяцы войны. Анна Петровна поступила на городскую электростанцию, а пятилетнего Славку устроила в детский сад. В то время это был милый, забавный мальчуган, всеобщий любимец. Рабочих рук в городе не хватало. Анна Петровна научилась разгру-

жать вагоны с топливом и подвозить в вагонетках к котлам уголь. Когда у нее выкравалось время, она отправлялась с сыном в кино. Притихший Славки сидел у нее на коленях и внимательно смотрел на экран. Казалось, он все понимал.

Однажды показывали фильм о донсрах.

— Мама, этим тетям было больно! — спросил Славки, когда возвращалась домой.

— Не знаю,— ответила Анна Петровна,— наверно, больно.

— А зачем они это делали!

— Их кровью посылают на фронт и переключают раненым бойцам.

После этого воню выдворяли- выт и снова идут в бой, бьют фашистов, как был их твой отец.

— Мама, а почему нашему папе не влили кровь?

— Его не ранили, а убили сразу!..

Начинае вопреки ребань разбередили душевную рану Анны Петровны. На другой день она стала донором. Ей начали выдавать дополнительный паек, но она не съедала его, а приберегала для сына.

Славки радовался, что дома у них появились белые булочки и сахар. Как-то раз, когда мать ушла на работу, он решил угостить своего плюшевого Мишки сахарным песком. Игра кончилась тем, что в вагончике не осталось ни крупинки сахара: он весь был на полу.

Славина проделка сразу же обнаружилась, когда пришла мать, но она не стала брать сына, а только грустно сказала:

— А ведь сахар-то был донорский!..

Наверно, Анна Петровна совершила тогда свою первую ошибку. Нужно было поговорить с сыном, объяснить ему, что много в жизни, как и ее донорский сахар, дается не так-то просто.

Не проявляла она должной требовательности и тогда, когда Славки учился в школе. Во втором классе он просидел два года. В третьем и четвертом тоже учился плохо. В пятом классе Славки снова остался на второй год. Он пытался убедить мать, что учителя несправедливы к нему, что они-де заживают ему очки. И Анна Петровна по материнской доброте своей соглашалась с сыном!..

Кое-как он доучился до весны. Весной же случилось такое, о чем матери и теперь страшно вспомнить. Во время летних каникул Славки со своим товарищем Юрой вздумал прокатиться на лыжне. На берегу в это время, кроме них, никого не было. Как только мальчишки ступили на лыжню, она не укрепились и стала быстро удаляться от берега. Испугавшись, Юра прыгнул в воду. Славки бросился вырывать товарища и тоже угодил в воду. Его спас проходивший мимо пограничник. Но Юру солдат не успел спасти!..

Рисунок А. Паукова.

ЖАР

Слава сильно простудился в ледяной воде и после этого два месяца пролежал в больнице. Осенью мать не пустила его в школу.

— Тебе, Славаик, надо отдохнуть! — сказала она ему. — Я буду заниматься дома, — обещала ему Слава. — Я ведь все знаю, мне нужно только повторить пройденное.

Он не спрашивал мать, почему она больше не дежурит на электростанции. Он смутно догадывался, что нерасное потрясение, пережитое им весной, навсегда исказило ее жизнь.

Анна Петровна устроилась в столовую офицанткой. В первые дни у нее болела голова от непрестанного говора нетерпеливых и вечно спешащих людей. Она путала заказы, ступила без толку. Возвращаясь с работы, очень уставшая. Едва отдохнув, она спрашивала сына:

— Ну, что тебе приготовить? Славик просил то пельменей, то свиного отбивного, то пирожки.

— А почему ты ничего не ешь? — иногда спрашивала он.

— Я сыт, — не моргнув глазом, отвечала Анна Петровна. — Только что поела в столовой.

Но часто она говорила сыну неправду: ей просто не хватало денег на обед.

Так прошел год, другой, третий...

Как-то в конце лета Славик позвонился на палке с приехавшим из Ленинграда на каникулы студентом. У студента был очень хороший фотоаппарат, и Славик заинтересовался его устройством.

Сергей (так звали студента) охотно удовлетворял любопытство подростка.

Он даже разрешил ему сделать несколько снимков, пригласил домой и показал, как проявляются негативы.

Перед отъездом в Ленинград студент сказал Славику:

— Теперь ты сам можешь фотографировать... А, кстати, в каком классе ты учишься?

— В восьмом. В тот же день он записался в пятый класс вечерней школы рабочей молодежи.

Эта школа ему не понравилась. По мнению Славика, учителя здесь были слишком требовательны; в действительности же он плохо знал грамматику и делал много ошибок в диктантах.

Старавшись как-то в кино с Татьяной Васильевной, матерью Сергея, его самого студента, который научил его фотографировать, Славака рассказал ей о своих неприятностях.

Татьяна Васильевна посоветовала ему читать художественную литературу, спросила, почему он не заходит.

Однажды Славик набрался храбрости и пришел к Татьяне Васильевне. Она встретила его приветливо, показала только что приобретенные от сына фотоснимки. Перед уходом Славик выказал почтение чмоцаньем Татьяны Васи-

льены и довно приладил отскочившую крышку.

Похвалила ее золотые ручки, не заргужает ли его мама домашними делами, потом попросила наколоть дров. Слава выполнила и эту просьбу.

Вскоре Татьяна Васильевна познакомилась с матерью Славика и очень хвалила его, говорила, что он почти замкнул ей сызак.

— Так и знайте, — смеялась она, — у нас один сын на двоих. Будем воспитывать его вместе.

Весной в школе рабочей молодежи у одного парня исчезли кожаные перчатки. Тот почему-то заподозрил Славуку. И хотя виновник вскоре был найден и наказан, Славака обиделся и бросил школу.

Мать считала, что этого не следовало делать. А Татьяна Васильевна была всецело на стороне Славика:

— У человека должно быть самолюбие. Можно учиться и заочно. Я сама была заочницей.

Татьяна Васильевна раздобыла где-то фотоаппарат и пригласила Славуку в ближайшее воскресенье поехать с ней за город.

Там он сдвдел несколько удачных снимков.

После этого Славик стал требовать, чтобы мать купила ему фотоаппарат. Анна Петровна или отмахивалась или отвечала:

— У нас пока нет на это денег. Но вот Славику понаследовались на облигацию Анны Петровны пал выигрыш в пятьсот рублей. Узнав об этом, он сказал матери:

— Неужели и теперь не купишь? Ты же мне обещала.

Разве можно было отказать сыну! Через несколько дней у него был фотоаппарат.

Придя к Татьяне Васильевне, он показал ей посылку, а спустя некоторое время сфотографировал ее в момент, когда она читала лекцию на полевом стане. Этот снимок поместила районная газета и выплатила Славику гонорар.

Орманный первым успехом, Славака решил стать фотографом.

Когда мать спросила его: «А как же с учебой? — он удивился: неужели она не понимает, что теперь ему просто некогда учиться!»

Потом Славака понадобился новый костюм, а вслед за костюмом ботинки, сорочки, галстуки...

Как и в других подобных случаях, выручала Татьяна Васильевна: она одаживала Анне Петровне деньги. Однажды Татьяна Васильевна спросила славику мать, не знает ли она женщину, которая могла бы прядти к ней постырать белье.

— Давайте в постырую, — сказала Анна Петровна, — дело привычное, справлюсь.

Потом она с чет долга убирала квартиру Татьяны Васильевны, ухаживала за соседом. Стол сын ее был сыт и одет не хуже других. Но с некоторых пор он стал все чаще поговаривать:

— Так жеж скучновать. Фотография — дело непрочное. Вот

Хорошая иргушка — большая радость для мальчика! Об этом всегда помнит комсомолка Инна Ивановна, раскрывшая Сысертский промдизель «Промкомсомолец». Много любви и стараний вложила Инна Ивановна в порученное дело. Она ежедневно выполняет норму на 180 поршней и работает без брака.

Фото Д. Киреева.
Г. Сысерть, Свердловской области.

плону на нее и поступило на завод.

Мать и Татьяна Васильевна поддержали его.

Славака поступил в деревообделочный цех структурного завода. Он стал щеголять в синем комбинезоне, удвря знакомых девушке, что учится на парашютиста. Он в это сам верил, и ему казалось, что синий комбинезон наполнил его жизнью, как-то новым содержанием. На самом же деле работа его тяготила...

Мать с горечью замечала это, но попрежнему продолжала заботиться о нем.

— Он теперь у меня работает, — говорила она с гордостью соседям. И никогда она не придавала значения тому, что Славик попрежнему живет на ее иждивении, что он ни разу не давал ей денег.

Если бы Славик не попрекнул ее куком сахара, Анна Петровна, может быть, так и не задума-

лась бы над тем, каким стал ее сын.

...Под утро ей сильно захотелось пить. На столе стояла небурная посуда и чашка с чаем, который она не допила. Анна Петровна подняла чашку к губам, но точно же выплеснула чай на пол: сахар оказался ей невнятным горьким...

Светало. Мать выпила стакан воды и стала разжигать огонь в плите, чтобы приготовить сыну завтрак.

Вот и все, что мне хотелось рассказать о Славику. Читатель может упрекнуть меня в том, что я несправедливо написала. В ответ на этот упрек могу только сказать: зато правдиво.

Кстати, не встречался ли вам когда-нибудь такой юноша! Не живет ли такой Славака в вашем городе, на вашей улице, в вашем доме!

Л. АНТОНОВА

ВОСВЕЩЕНИЕ

Рассказ

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Я уже много лет работаю в издании биографического рассказа, но печататься раньше мне было больше не хотелось. Вероятно, это потому, что в последние десятилетия наши худшие и тоньше журналы почти не давали рассказов и новелл названного жанра, или, вернее, публиковали их только и знаменательная дача. А они но так уж часты.

Поэтому убедительно прошу вас сразу же, не откладывая в долгий ящик, решить судьбу рассказа «Что выше сна». Если в том, что рассказ выложен не сейчас, а лет пять тому назад. Но поручение некоторых редакций его рецензирования, несмотря на положительные отзывы, рассказы до сих пор не увидели света по той же неопределенной традиции — не печатать биографический рассказ, если он не связан с знаменательной датой.

Сейчас страна отмечает 75-летие со дня смерти Ф. М. Достоевского. Чтобы рассказ не пролежал в столе автора еще добрых четверть века, дождавшись «лучшей даты», я прошу решить его судьбу «вне очереди».

С принятием Г. СТЕПАНОВА г. Рига.

От редакции.

Рассказ Г. Степанова «Что выше сна» попал в «Знамя» по инициативе одного из наших читателей, как номер посвященный 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. Мы считаем, что мы имеем право опубликовать новеллу, хотя знаменательная дата и прошла.

звучина и Варвара Добросолова при всей своей заурядности почему-то заглянула, вызывая в душе некое подобие интереса.

Некрасов положил часы в карман. «Кажется, то, что читает Григоричев, стоит слушать».

Зари за окном поблекла, и в комнате было полумрак. Вспомогательная была петербургская ночь. Уже было прочитано не десять страниц, а добрая половина рукописи. Григоричев закашлялся и поднял руку к горлу.

— Переключитесь, Дмитрий Васильевич, — спохватился Некрасов. — Дайте рукопись мне!

Отдав тетрадь, Григоричев с любопытством взглянул на спящего, сооредоточенного лицо Некрасова.

Читая, Некрасов горько, лезть прижимал к боку и часто подносил руку усам, но, не дотрагиваясь до них, отпуская ее, и Григоричев думалось, что если это движение делается произвольно, в увлечении, то, возможно, сегодня же судьба романа будет решена.

Давно перевалило за полночь, а на улицах Петербурга все еще было светло, как в ранние сумерки. В этот час все жило собственной жизнью, которая казалась своим. Люди шли не спеша, часто останавливаясь, как будто бы не в силах преодолеть власти природных часов белой ночи, созданной для тихих раздумий. Федор Михайлович, сняв с головы зимнерманский цилиндр, тоже часто останавливался, да отслаивая громады мертвых дворцов, окна которых отражали желтнну неувядающей зари, то прохаживая, шагающих вдоль улиц. Вось вечера он проследил у товарища, читая аслух главы из «Мертвых душ», и теперь не спеша, часто останавливаясь, читая страницы, приводящие его в восторг.

«Вот как надо было бы писать! Вот у кого истинный и громадный дар наблюдательности!» — думал он сам сavorируя в руках. — «Сотворившим бакенбардам; Собакиная, съехавшего на вечеру у полнметра осетра; Плюшкина, уносящего ведро от колоды у заезжавших баб... А главное, какая глубокая правдивость! Как он смело и метко разнит все

уродливо! И в то же время как непоколебимо верит в великое будущее России!»

На углу Валадарского и Графского переулков Федор Михайлович остановился у дома, в котором вместе с Григоричевым снимал квартиру. С близким переулком было тихо. Идти спать еще не хотелось, и он, поднявшись на крыльцо, долго стоял.

«Прекрасная майская ночь, удивительно прелестно онаслел ее Гледия в своей идиллии!»

Вот ночь: не меркнут золотистые полосы облаков. Без звезд и без месяца все сообразно дальности».

В каком-то приподнято-возбужденном состоянии он несколько раз повторил стихи вслух.

После улицы в комнате воздух оказался душным. Не раздеваясь, Федор Михайлович растворил окно с восторгом. Грудь свободно выдохнула душнотой сырости ночи, хлынувшей с улицы.

Прислушавшись к тишине, шарившей в доме, он вдруг вспомнил, что Григоричев с вечера ушел с рукописью романа к Некрасову. «Неужели труд и время, вложенные в роман, окажутся напрасно потраченными? А сколько было пережито мучительных, адских мучений милу с пером в руках! Сколько бесонных ночей! И вдруг все это только дым, самобольщенье... мираж? Как-то жаром обдало голову, и Федор Михайлович с досадой сбросил сортух и, оставшись в каземорном жилете, быстро зашел по комнате. «Самобольщенье! Сколько из-за него зря изводился лучших часов жизни! Не имея привалива, большого таланта, люди, поддавшиеся ему, делают никому не нужные вещи».

Федор Михайлович эзбо переделал мечтам.

«И если во-время не спохватиться, не поймать, то ты не художник, не артист, жалею измарику! Самообманывающийся чудак... Какое проклятие! А ведь хочется быть полезным, нужным, хочется означать себя действительностью, необходимой народу».

Что-то неудовольно прекрасное реало над крышами в полусвете желтых зорь, смеющихся одна другой. Но Федору Михайловичу все вдруг стало казаться неверным, неопределенным, эзбыком.

Некрасов продолжал читать как будто бы с интересом, но ни восторга, ни удивления по поводу прочитанного не высказывал.

«Может быть, наши взгляды и восприятия так разны? Глядя на лицо, соображенное выражение полного безстрастия, недумевая Григоричев, — Или его совсем не волнует то, что так трогает меня?»

Между тем Некрасов дошел до места, где Варвара Добросолова рассказывала о похоронах студента.

«...Старик бежал за ним и горю плакал; плач его дрожал и прерывался от бега;... ровным голосом читал Некрасов. — Старик, как же не чувствовал непогоды и в плачем перебегал с одной стороны телеги на другую».

Григоричев покаялся, что голос Некрасова странно задрожал.

«...Ах, чтоб его! — вдруг хлопнул Некрасов ладонью по рукописи и рукою сортуха вытер набегавшие на глаза слезы... Читайте вы... Я не могу думать».

— Вот оно как! — ликуя и радуясь, потянулся Григоричев к рукописи.

Последняя страница романа была прочитана, когда уже совсем разгорелась утренняя зоря. Вздвонивший Григоричев закрыл тетрадь и снова на лице Некрасова, стовящего у окна, увидел слезы. Вскочив со стула, Григоричев

— Я начну читать на пробу, и, если вещь покажется скучной, я преврете меня, — сказал Григоричев, держа в руках полсоту тетрадей, сложеную из почтовой бумаги большого формата.

— Я больше доверяю глазу, чем слуху, — возразил Некрасов, недостоверно косясь на пузую рукопись. — Вы оставте ее, я в самое ближайшее время скажу о ней свое мнение.

— Нет, я прошу выслушать только начало, — настаивал Григоричев. — На это потрадите, Николай Алексеевич, минут десять — пятнадцать, не больше. Вещь преоригинальнейшая! Молодое, живое лицо Григоричева выражало такое страстное желание довести своего, что Некрасов не выдержал и махнул рукой: — Ладно, читайте! Но предупреждаю: больше десяти страниц слушать не буду.

Григоричев присел к столу и начал читать чуть вздрагивающим голосом:

«...Апреля 8. Бесенная мой Варвара Алексеевна! Вера я был ставнин, чрезмерно свастив. Вы хотз раз в жизни, управина, меня послушать...»

Некрасов недолго поджал губы: «Уж это мне начинаюш! Нет у них терпения! Вот эти судьбу рукописи сразу, и basta!»

Не собирая долго слушать, отходившую ногой стул и встал у распущеного на улицу окна.

Расправляя загнутые поля бумаги, Григоричев читал без пауз, словно боясь, чтобы чтение не прервалось. На авторской иее у него от раздражения вздулись вены.

Некрасов, сложив руки на груди, внимательно слушал. «А в сущности говора, авторское нетерпение вполне закономерно. Нишем не для себя, для других. А как зря оценил твою писание, что о нем скажу. Это же страшно интересно!»

Прочитав первое письмо Макара Девушкина и ответное Варвары Добросоловой, Григоричев подлил чайку.

— Ну что, читать дальше?

— Взгляд его живых глаз, казалось, ожидал только утвердительного «да». Некрасов тотчас же коротко кивнул головой:

«Уже интересное произведение открывается — вадур, а поспешно. Продолжайте...»

Григоричев придвинулся ближе к столу.

«Неужели естественность и верность изображения действительности не тронут Некрасова? Думаю, он — В этой вещи никаких внешних украшений, никаких изысканностей. Все очень просто».

Рассказ Макара Девушкина, о белоте, живущей в углах и заморках дома, где он поселился, чтобы видеть око и в нем подолжолу запяевку Варвары Добросоловой, живо напомнил Некрасову о его собственном очерке «Петербургские углы», в котором речь шла об общинахном юноше, о знакомстве его с учителем, прогнавшим со службы, о секретном приеме для беременных горничных и молиток... Давно ли он это очерк впервые читал в богатом доме супругов Панаевых, куда его ввезл Белинский? Давно ли, рассказывая обстановку и семейного уюта Панаевского дома смущался и стеснялся его? Нет, как будто бы совсем недавно. А ведь прошло с того вечера немало... И он уже небезызвестный литератор и принят в кругу учеников Белинского. Надо, конечно, быть поминательнее. Быть может, вещь, принесенная Григоричевым, такт в себе что-нибудь новое, неожиданное...

Некрасов вынул карманные часы, они показывали десять. Однако зажигать свечи не было нужды: над крышами домов широко шала радужно-желтая зоря.

В романе, читаемом Григоричевым, говорилось о вещах знакомых, хорошо известных, однако, говорилось так, что судьба Макара Де-

Рисунок А. Лурье.

с чувством искренней благодарности обнял Некрасова:
— Как хорошо, как чудесно, что вы дослушали до конца!

Было четыре часа... В полудне утренней заре все было смыгчено, но предельно и тихо. Из-под карнизов крыши вылетали в воздух серые стрижи. Федор Михайлович сидел на полочке и смотрел на светлосиневую зарю, медленно розовевшую на востоке. Вдруг на кухне щелкнул замок, открываемый ключом. Дверь скринула, послышался чьи-то поспешные шаги и громкие голоса.

— Он спит... Надо бы повременить,— сказал кто-то незнакомец.
— Что же такое, что спит!— заявил другой с необыкновенным воодушевлением.— Мы разбудим его... Это выше сна!

И, видимо, этот другой быстро подошел к двери и решительно постучался.
«Кто бы это?»— Досковский спрыгнул с полочки и не успев подойти к двери, как увидел перед собой Григоровича в шляпе, сдвинувшейся на затылок.

— Федор!— крикнул к нему Григорович.— Поздравляю! Поздравляю!
В это же время в комнату вошел знакомый человек, одетый в серый сюртук и какифовские панталоны.

Повернувшись в его сторону, Григорович сказал:
— Некрасов Николай Алексеевич, молодой ярославец, поэт. Знакомые, Федор!

— С удачей! С успехом!— проговорил Некрасов, быстро и горячо пожав руку. Потом, видя, что Досковский не понимает, с какой удачей и успехом его поздравляют, объяснил:— Мы только что прочли ваш роман. Вы написали его великолепно. Выша манера изображать жизнь схожа с гоголевской. У вас, несомненно, есть удивительно умные живые ставни лицо перед глазами читателя, очеркуня его только двумя— тремя словами, но такими, что другому никогда не найти их.

Григорович заметил, что лицо Досковского, прежде утроемо, умило, вдруг посветлело.

— Но вы, кажется, преувеличиваете достоинства моего романа,— робко сказала Досковский, как бы все еще не веря тому, что говорит о его сочинении.— Мне, право, еще очень далеко до гоголевской манеры писать.
— А я говорю, что она только схожа с гоголевской,— перебил Некрасов.

Лицо Досковского снова переменилось, и глаза вспыхнули радостью.

— Когда же вы успели прочесть мою рукопись? Ведь в ней не меньше семи печатных листов,— с выражением яркого недоверия спросил он.

— А мы всю ночь читали!— ответил Некрасов.— Читали вслух, не отрываясь... Я еще не знаю, в чем следы, в чем пригитательность вашего повествования, но мне кажется, в правде. Да, да, в правде!

Выражение подозрительности и опасения окончательно исчезло с лица Досковского, и глаза его, карие, темные, заметно задулись.

— Долго ли вы писали?— спросил Некрасов.
— Я? Недолго.

Георгий БАГНО В ПУТИ

Ушла с полей ночная тень,
И солнце льет лучи косые...
И вот уже который день
Грохочет поезд по России.
Крутом зеленыя трава...
На уг колеса повернула,
И вздрог из камешков слова
На свежей насыпи мазькутала...
И вновь хлеба аскают взгляды,
И нет конца могучей шпирь...
Крепка воистину земля,
Где даже камни говорят
О мере!

ВИНТИК

Дорогой трудной, но прямой
Товарищ мой, ровесник мой,
Летит в воздушном океане,
Тут же режет облака...
А я нашла свое призвание
В моторном шее у станка.

И винтик, выточенный мной,
Летит над мирною страной.

Стальной, распластанной плетей
Рокошет в небе самолет.
И мне приятно убедиться,
Что винтик маленький родится
На самый дальний перелет.

г. Новоросси́ек.

— А как?

— Да как?— молвил Досковский, как бы не решаясь сказать правду.— Начал в мае прошлого года, а кончил совсем недавно.

— Это сравнительно недавно,— живо согласился Некрасов и взглянул на Григоровича.
— А я знаю, Федор начал писать свой роман значительно позже!— заявил Григорович.— Ему просто невольно признаться, что он так недавно писал его.

Досковский сердито и вместе с тем весело покосился на приятеля.

— Да, да, Федор, ты скромничал!— повторил Григорович.

— Я и сейчас все еще никак не могу оправдаться от впечатления, произведенного вашим превосходным романом!— с восторгом продолжал Некрасов.— Мне кажется, что я не ошибся, сказав, что в вашем лице судьба посылает нашей литературе очень талантливого, нужного человека.

Видя, что Досковский молчит, Григорович подошел к нему и закричал:

— Федор, ты понимаешь, как тебе говорит Николай Алексеевич? Дай я тебя расбегаю от всей души!

— Ну, полно, полно,— смущенно забормотал Досковский, пытаясь вырваться из рук друга, целовашего его в лоб, губы, щеки.

— Но ведь отдельную вещь написал! Отличную!— змолкая губами, восклицал Григорович.— Я многого от тебя ожидал, но никак не представлял, чтобы первая вещь оказалась столь отличной. Мы плакали над твоим романом! Представляешь, плакали!

— Да, пролины же оду восторженному слезу,— подтвердил Некрасов.— Я вам скажу, глаза у меня не на мокром месте. Мне так же, как и вам, двадцать с немногим лет, но жизнь я знаю; она не баловня меня, и видел много жестокого, трагического, и все-таки ваш роман— разстался и мое ожесточившееся сердце. Я решил сегодня же просить у вас разрешения показать вашу рукопись Висариону Григорьевичу Белинскому.

— Нет, я думаю, с Белинским надо повременить,— сказала Досковский, перестав улыбаться.
— Как повременить? Отчего?

— Он очень большой человек, знаменитый литератор, суровый критик, а я что?

— Да, что самая восторженная личность из всех мы встречавшихся. Я никого сейчас не люблю так, как его. Он все вам обьяснит. И он вовсе не такой грозный, страшный, как вам представляется.
— Нет, я все равно боюсь его. Он осмеет

моих «Бедных людей», — стоял на моем Достоевский.

— Головой ругаюсь, что не осмеет. Наоборот, оценит так, как мы этого никогда не сумеем сделать. Для него нет тайн в художественном. Он, как никто другой, любит и чувствует правду в искусстве. Он страстный социалист, атеист, и вы сразу же подпадете под его обаяние.

— А почему атеист? — заинтересовался Достоевский, все еще с трудом выныкая в смысле того, что ему говорились.

— Я же сказал: он социалист и потому должен разрушать учение Христа. Я страстно принял его доказательство и верю, что не Христос должен быть двигателем современного человечества, а Кетет, Пьер Леру, Прудон, Фейербах, которых он как философ очень чтит. Это настоящие двигатели человечества. — Некрасов говорил с увлечением, восторгом, не снолдя глаз с Достоевского. — Белинский намного старше нас, но благодаря богатству, восприимчивости своего сердца он много моложе нас. Вы сразу это увидите, при первой же встрече с ним.

— Федор, ты можешь смело довериться! — живо встала свое слово и Григорюча. — Николай Алексеевич тебе куда не жалет.

Говоря это, он стал вставать, но в который все еще была спущена занавеска, и розовый свет утренней зари придал его высокой тощей фигуре и темным волосам, длинного солодовому на плечи, особое своеобразие. По молодому, свежому, хорошему лицу Григорюча видно было, что он искренне влюблен в успех романа, счастья, как никогда. Глядя на него, Достоевский решительно одушевился:

— Ладно, я не возражаю, чтобы вы по-

знакомили Белинского с рукописью. — И потом, точно зная переводы в разговор на другом языке, сказал: — А вы знаете, что Дмитрий верю необыкновенную способность чрезвычайной и верно и схоже подражать голосам хорошо знакомых ему лиц? Хотите, Николай Алексеевич, он ваш голос скопирует?

— Он, наверное, большой театрал? — спросил Некрасов.

— Да, чрезвычайный! — подтвердил Достоевский. — По его декламациям тотчас же узнают Каратыгина. Или вот угадайте, какой это актер таким крикливым и певучим голосом декламирует отрывок из трагедии Озерова «Дмитрий Донской?». Почитай, Дмитрий.

Улыбаясь, Григорюча сложил руки на груди, откинул несколько назад голову и охотно, но весьма крикливо и патетично начал читать:

Полно россияне, отгнемнем спорая,
Степени в те места, стогны где врагы.
Лишь только нас увидели — удвоили шаг.
Во искоре тучи стрел, нам град стрел.

Явились и нам — предместницею бою.

— Ну кто, кто так читает? — спрашивал Достоевский.

— Точенко! Точенко, конечно! — смеясь, захопав в ладоши Некрасов. — Действительно, подражание изумительно. Я, впрочем, но помню Точенко, а вот Белинский о нем отзывался с большой похвалой, говоря, что он создан для ролей венецианского.

— Нет ли в этом отголоске иронии? — спросил Григорюча.

А Достоевский, довольный тем, что другу удалось так хорошо скопировать Точенко, уже просил почитать, как он может подражать Мартынову, Самойлову и Сосинцину.

— Нет, нет, это сейчас не к месту и не ко времени, — откланиваясь Григорюча, — и Николай Алексеевич приехал сюда на расвете не с тем, чтобы выслушивать мои дурачества. Мы хотим высказаться по поводу твоего великого искусства.

— Да, это верно, — подтвердил Некрасов. — Я только извиняюсь за эдакого моего «Петербургского сборника». Этот сборник выйдет при участии Всеславянского Губернского, и нам такая вещь, как ваши «Бедные люди», нужна. Говорите ваши условия, и я возьму ее.

— Федор, ты слышишь? — Григорюча саватил Достоевского за плечи. — Ты слышишь, Николай Алексеевич берет роман!

Как бы не веря Григорючу, Федор Михайлович посмотрел на Некрасова.

— Да, да, — заявил головой Некрасов. — Объявляйте свои условия.

— Но это так неожиданно. Дайте мне немного подумать! — попросил Достоевский, а сегодня же списал свой роман Белинскому и позанекомлю вас с ним.

— Вы мне кажется самом торопищимся человеком в своей России, — усмехнулся Достоевский своим дрожанием, нервным смехом. Лишь только после этого привели в разговор банни, сомнений, борьбы с самим собой, все более расчеловачило и сышло каждой веснушкой. Но, стараясь скрыть свою радость, он с приторным страхом говорил:

— Да, я рад, я рад, — попросил, или он высказал оценку, совсем противоположную вашему мнению?

— А я говорю вам: открытие всякого нового таланта для него нравятся! Увидите, какая это душа! Какой человек! Он оценит вашу замечательную способность глубоко и правильно показывать внутреннее существо человека. И то, что вы молчите, обрадует его. Вот увидите!

Ошеломленный, смутившись, Достоевский сился что-нибудь ответить, но не мог.

— От души поздравляю вас, — снова пожал руку Некрасов. — Вам удалось в романе запечатлеть правду жизни. И вот эта сторона прелесть моего и завладела мной. Ну, а теперь доложите спать! Я ухожу, а днем — к вам. Обо всем остальном договоримся.

И когда Некрасов, прощаясь его, Федор Михайлович с минуту стоял среди комнаты, как бы все еще не до конца уяснил себе, что же именно произошло.

— Какой восторг! Какие искренние извещения чувств! — Он закружил от радости на месте. — Или в самом деле в романе есть то, что составляет жизнь?

Он подбежал к окну и посмотрел в переулок, по которому шли Некрасов и Григорюча.

— Да, да, в самом деле! Недаром же они так громко говорят и возбуждают жестикуляцию! Какие прекрасные люди! Как хорошо они поняли меня, мою мысль, мои устремления!

Опершись локтями на подоконник, Федор Михайлович долго смотрел им вслед, перебирая в памяти все сказанное. Он не то что волновался, не то что утренней прохлады и как будто бы еще чего-то ждал. Все вокруг обещало большое, близкое счастье...

Свежело. В светлом просторе неба ярко разгоралась утренняя зари. Федор Михайлович сваятил сортук и, выйдя его на плечи, снова подошел к окну. В переулке уже никого не было. Из-за крыши, блестящих росой, сверкали первые лучи солнца.

«Это была сила!» — вспомнилось слова Григорюча, и Достоевский повторил их вслух. И в самом деле, если мысль получила в романе первое художественное выражение правды жизни, это была сила!

Из-за дома показался алый круг солнца, все ослепительно сияло вокруг и, жмурясь, Федор Михайлович вдруг понял, что он на верном пути, труд его не напрасен и отныне он твердо знает, что ему делать... На пороге его жизни встала смерть и он, как же себя, не жесет, а себе пропавших птиц, в свежести утреннего воздуха, в яркости возшедшего солнца.

Сорвав с плеч сортук, он стремительно вытянул руки в открытое окно, на улицу, к солнцу.

Вот оно, утро, опрадавшее надежды!

В ПСКОВСКОМ ТЕАТРЕ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

Сцена из спектакля. Заслуженный артист РСФСР В. Д. Лукин — Гоголин, артист Ю. В. Ермолин — князь Мышкин

Семидесятилетние со дня смерти великого русского писателя Ф. М. Достоевского было широко отмечено и в Пскове. В библиотечных школах, клубах проводились беседы и вечера, посвященные жизни и творчеству писателя, устраивались громкие чтения его произведений. Коллектив областного драматического театра имени А. С. Пушкина показал в дни юбилея свою новую работу — инсценировку романа «Идиот». Постановку осуществ-

ил режиссер В. С. Веняминев и художник Г. Н. Попов. В спектакле участвуют опытные артисты старшего поколения приемы участие и молодые исполнители. Мы посылаем вам о жизни и творчестве писателя, устривались громкие чтения его произведений. Коллектив областного драматического театра имени А. С. Пушкина показал в дни юбилея свою новую работу — инсценировку романа «Идиот». Постановку осуществ-

З. ГОЛЬЦБЕРГ, Ю. ЕРМОЛИН, артисты драматического театра имени А. С. Пушкина.
г. Псков.

На снимках: 1. Артист Ю. В. Присвинов в роли князя Мышкина. 2. Артистка П. П. Дирингарно — Настасья Филипповна.

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Предлагаю вашему вниманию свой перевод отрывка из нового романа доктора У. Дюбу «Испытание Мансарта». Роман этот как сообщают журналы и пресса, вид известнейшего писателя по образу и подобию европейских стран. В нем описывается жизнь негров в период после окончания гражданской войны в Америке (1861—1865) вплоть до 1886 года. Сюжет, изобравший в отрывке, относится к 1876 году, когда реакция начала наступление, чтобы отнять у негров завоеванные права.

Негро Том Мансарт, член правительств штата, пытается заручиться поддержкой полковника Бренкириджа — лидера интеллигентов — полагая, что ему удастся сыграть посредника. Отрывок начинается с момента, когда Мансарт и другие негры, участвующие в управлении штатом, ожидают Бренкириджа на совещание, куда тот обязан прийти.

Теперь несомненно слово о самом авторе романа. Доктор У. Дюбу — крупнейший историк и писатель современной Америки, автор ряда художественных и публицистических произведений, лауреат Международной премии мира, крупный общественный деятель, штатский сенатор в Советском Союзе.

О себе могу сообщить следующее: мне 28 лет, работаю старшим библиотекарем в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Г. Ленинград.

В. КУЗНЕЦОВ

Мансарт продолжал упорно ждать, хотя собравшиеся уже поглаживали на него с соменiem. День клонился к концу и год, а с ним и период подготовки кампании 1876 года. Собрание становилось бурным, люди начинали выходить из себя.

— Где Бренкиридж? — ревели они все громче.

Дверь потихоньку открылась, и в помещение проследовал капитан человек. Он подошел к Мансарту, приглушенным голосом что-то сказал ему и исчез, оставив Мансарта в оцепенении.

Женщина в белом платье, прозвонив ее через некоторое время: — Нас игнорировали, а может быть, и предали. Бренкиридж сидит у себя в клубе. Он не собирается приходить сюда, а возможно, и вовсе не собрался. По округе разлегаются клановые, они потихоньку скапливаются на улицах города. Мы должны...

Прозвонил кто-то совершенно легким шум, дверь открылась, и на черном фоне ночи выросла высокая и стройная, с осянкой и граней угрожающей архитектуры фигура миссис Дьюбинь Бренкиридж. Наступила напряженная тишина: белая женщина стояла одна среди толпы негров.

Прошло это совершенно случайно. Она была уверена, что полковник Бренкиридж прямо из клуба отправится на собрание, устроенное Мансартом. Она, разумеется, надеялась, что муж разрешит ей сопровождать его. Миссис Бренкиридж вышла и сразу же погрузилась в बातуюхвалу по окресткам ночью. Кто-то успел она сделать и шага, как внезапно маленькая темная фигура проткнула ей какую-то засаду и так же внезапно исчезла.

Занесла беду от Мансарта. Он понял, что полковник все еще не прибыл, и просил сообщить, придет ли он на собрание и когда. Она просмотрела на этот собрание было назначено на девять, а теперь уже одиннадцатый час. Что случилось? Почему он так задерживается? Разумеется, могли быть разные причины, но лучше успокоить Мансарта: полковник придет обязательно, несомненно, он уже в пути... Миссис Бренкиридж быстро нагнула манталью

поверх тельного вечернего платья. Ну, конечно, она сама сообщила все это! Она встретит там полковника. Может, ему это не понравится, но он поймает ее...

На набережной было чудесно. Миссис Бренкиридж любила прогуливаться здесь, вечерами, наслаждаясь живописным видом бухты. Она шла медленно, рассчитывая встретить мужа. Но, может быть, ему просто было любопытно от своего клуба другими улицами? Она остановилась, стараясь припомнить лабиринт улиц, разветвлявшихся к востоку от доков. Когда ей случалось бывать у тетушки Бетси, она проходила этим лабиринтом. Конечно, она найдет тот дом, он находится недалеко от церкви. Любопыт может показаться ей дорого... Стало уже совсем темно, и миссис Бренкиридж ускорила шаг.

Когда она повернула в знакомую аллею, перед ней выросла фигура белого мужчины.

— Куда ты ты идешь? — спросил он заплетавшимся языком.

Человек был вырежетяги. Он перебарывал от отчаяния. Ничего не ответил, миссис Бренкиридж продолжала идти, не ускоряя шага. Хотя крутом творилась бесчинства, ей никогда и в голову не приходило, что ее могут остановить на улицах этого города. Но, войдя в темную аллею, она услышала позади себя брань и даже не оглядываясь, поняла, что бранилась белне. Она спокойно продолжала свой путь. Приближаясь к газовому рожку на углу улицы, она увидела толпу негров. Что-то в них было неспокойное, она разозлилась, чтобы успеть дойти до миссис Бренкиридж, стоявшей впереди, и молчаливо. Лишь чет-то голос предостерегающе прозвонил:

— Шли бы вы домой, люди.

Миссис Бренкиридж сошла с тротуара. Она была уверена, что, как только она поняла, что сделала ошибку, выйдя из дому: во всем, что окружало ее, витали ненависть и страх, боль и мсть.

Но она лишь смутно постигала смысл с том, что происходило. В воздухе валило грозой. Хотя еще и давались попытки достичь

взаимопонимания, все были насторожены. Пышный джентльмен, встретивший миссис Бренкиридж в начале аллеи, подозревал надушен. Он впустил искать Бренкириджа. Скотте был поражен тем, что ему сообщил пышный джентльмен. Значит, Бренкиридж действительно настолько задушен, как и подозревал он? Может, эти аристократы затевают какую-то штуку? Эта белая женщина, оказавшаяся ночью в негритском квартале, могла быть посланной или шпионкой, могла быть леди, а могла быть и какой-нибудь потаскухой. Во всяком случае, от нее ничего ждать хорошего, ее лучше схватить. Или, еще лучше, убить и приписать убийство неграм. Это поможет скорее объединить всех белых и прикрыть «черную лавочку» Скотте послал дюжину вооруженных парней швырять по темным улицам негритского квартала и теперь находился в зловонном мрачном раздумьи.

— Увидел белую женщину и некоторых мужчин, двигающихся в некотором расстоянии позади нее, негры подумали, что кто-то предает их. Раздался крик отчаяния и ненависти.

Миссис Бренкиридж остановилась в замешательстве. Должно быть, произошло что-то страшное и жуткое. Она не знала, что ей делать. В этот момент она увидела какого-то стройного, хорошо одетого человека, который шел в ее сторону. Она инстинктивно бросилась к нему, надеясь, что это белый, но, к удивлению своему, встретила негра. Поклобавшись какую-то долю секунды, она прозвонилась:

— Прощу прощения, как мне пройти к церкви святого Омманулы?

Негр остановился, внимательно взглянул в лицо белой женщины.

— Вот сюда, — сказал он и торопливо повел ее на другую сторону улицы, затем повернул за угол и направился с нею к большому темному дому.

Миссис Бренкиридж удивилась: она ожидала увидеть оцепенелые, переживавшие народом здание, и когда повернулась, чтобы задать проводнику вопрос, его уже не было. Миссис Бренкиридж оступилась добралась до двери, постучала. Дверь открылась, и в глаза ей ударил яркий свет фонаря, направленного прямо в лицо. Послышался возглас удивления, наступил торжественный шепот. Затем открылась внутренняя дверь, и миссис Бренкиридж очутилась одна среди полутьмы негров. У кафелья стоял Том Мансарт.

Миссис Бренкиридж, разумеется, не впервые очутилась перед светлой аудиторией. Ей приходилось выступать перед негритскими воскресных школах, церквях, на вечеринках, устроенных цветными слугами. Ей были знакомы их обычное сущие и приглушенные, но в этот вечер она «мем и «спасибо». Но тут все выглядело иначе. Ее появление было встречено тишиной — холодной,

Рисунки П. Пинкисевича.

настороженной тишиной; чувствовалось не то удивление, не то враждебное недоверие. Тишина становилась угнетающей. Миссис Бренкиридж неуверенно взглянула на Мансарта, шагнула к нему и тихо, но ясно прозвонилась: — Я пришла от полковника Бренкириджа. Его задержали, но он явится с минуты на минуту. А пока я должна от его имени сказать, что...

В это время на улице прогрямели орудия за другим да выстрелы. Свет в помещении погас. Кто-то бесцеремонно схватил миссис Бренкиридж и потащил в какую-то комнату, похожую на чулан. Она с тиском и отвращением оглянулась на человека, тащившего ее. Это был Том Мансарт. Он зажгет свечу и, посмотрев на непринужденно гостью, спросил:

— Позвольте мне самой судить, что делать.

— Нет, не позволю. Вы сделаете то, что вам скажу, иначе вам заткнут рот, сэвкит и увезут отсюда. Послушайте,—продолжал Мансарт с раздражением, но не повинная голоса,—то, что я хочу сделать, я делаю не ради вас, а ради бедных негров. Если с вами что-нибудь произойдет здесь, то вина падет на нас, кто бы ни был виновен. Я попытаюсь спасти вас, хоть и не уверен, удастся ли: уже слишком это рискованно. Удалось, как вам муж не заставил вас остаться дома. Ад кроменый будет твориться сегодня ночью в городе. Походите же отсюда ради бога...

Необыкновенная серьезность Мансарта поразила и напугала миссис Брекниридж. Она тогда и пристально смотрела на него, затем кинула голову:

— Я сделаю так, как вы скажете.

Под охраной трех человек миссис Брекниридж Мансарт пошла по улицам. Они шли долго. Наконец в узком переулке остановились перед одним стовпным домком. Постучавшись и шепотом назвав себя, все пятеро вошли в дом.

Миссис Брекниридж сразу ушла комнату. Это был дом тетушки Бетси, у которой она бывала несколько лет назад. В нем мало что изменилось. Так же пылал камин пушисто-желтым пламенем; на том же месте стоял старый реальный стол, над которым висело изображение Христа в черной раме. Напротив, а нине, на кровати лежала больная женщина, около нее стояла мрачная, молчаливая тетушка Бетси. Миссис Брекниридж шагнула к ней, но та жестом, означавшим одновременно и приветствие и предупреждение, отстраняла ее от себя. Обер-

нувшись к Мансарту и его спутникам, она увидела, что, проткнув к двери, они к чему-то прислушались. Кроме тихих стонów больной, ничего не было слышно ни в доме, ни на улице. Но вдруг громко и настойчиво постучали в дверь.

Все затаяли дыхание. Деве больной, которую тетушка Бетси обмахивала полотенцем, перестала стонать. Снова раздался стук. Тогда Том Мансарт распахнул дверь. На пороге появились двое белых с ружьями. Один из них, поклонившись миссис Брекниридж, произнес:

— Полковник Брекниридж послал нас за вами, миссис.

Ложь!—послышался хриплый голос тетушки Бетси.

Пришедшие выругались и угрожающе подняли ружья. Том Мансарт ударил одного из них в лицо, чем-то черные руки схватили другого за горло. Произошла короткая потасовка. Затем прогремели три выстрела. Один белый со стонком упал, другой поспешно скрылся. Мансарт подхватила миссис Брекниридж, ухватив ее через заднюю дверь на улицу.

— Миссис,—послышался шепот Мансарта,—это была попытка заставить вас покинуть домик. Я должен увести вас отсюда и доставить в целости и сохранности к вашему мужу.

Мансарт открыл ворота конюшни и стал запрягать лошадей в легкую коляску. Миссис Брекниридж ждала.

Мансарт помог ей взобраться в коляску. Через некоторое время они выехали к гавани. Остановив лошадей, Мансарт протянул руку—там, слева, протекала река, за которой находился дом миссис Брекниридж. Она шагнула было в ту сторону, куда показывал верт, но он удержал ее.

— Там главолиц,—пропелтал Мансарт.

Миссис Брекниридж увидела в глубине темной улицы силуэты всадников.

Мансарт повернул лошадь и ударил ее плетом. Миссис Брекниридж поволола вскрикнула, увидев, что ее едут в противоположную от нее сторону.

Продолжая погонять лошадей, Мансарт говорил:

Если мы поедем к вашему дому, то заткнут вам роту белых. В этом случае я лишуш жизни, а вы чести!

Она пристально взглянула на Мансарта: правду ли говорит этот негр? Или он просто хочет отвлечь ее туда, где собралось все его черные сообщники? А может быть, и в еще более худшее место? Она похолодела от этой мысли. Мансарт продолжал:

— Попытаюсь добраться до Рей-стриг, а оттуда через Кинг-стриг к освещенной части города. Там, вероятно, будет казначейство, и я смогу довести вас до здания суда. У нас остается только эта возможность...

Колкис бешено мячалась. Страх миссис Брекниридж начался проходить. Откинувшись на спинку сиденья, она промолвила медленно, но отчетливо:

— Повторите мне, что полковник действительно намеренся встретиться с вами и дать вам нужные гарантии. Ни он, ни я не считаем, конечно, что негры достойны того, чтобы участвовать в управлении страной. Но мы доверяемся справедливости, хотим, чтобы вы и ваши дети, особенно одаренные и способные, получили возможность человеческого существования.

Напряженно всматриваясь вперед, сдерживая лошадь при переездах через рельсы и немощные улицы, Мансарт ответил:

— Рабство было хуже, гораздо хуже, чем вы себе представляете. Я знаю, я сам был рабом. Ведь негры гораздо умнее и способнее, чем вы думаете. Если бы было так, как мы с вами хотим, то свобода была бы завоевана не кровью, а молитвой. Но нас не спросили, прежде свобода пришла, ее можно было отнять. Но чтобы сделать, не пролив крови? Я думал, что нашел выход, когда я начал поддерживать у вас и вашего мужа. Но он захотел преемства. Это сидит вместе с главолицами.

— Это неправда!—воскликнула миссис Брекниридж.—Он хотел прийти, он разделяет мои взгляды!

Добравшись до Рей-стриг, они повернули влево и осторожно поехали в западном направлении. Колкис была уже за городской чертой, но не встретил там еще ни падальщиков редкие прохожие. Наконец коляска повернула на юг и по Кинг-стриг стала приближаться к центру города.

Вот настало время,—убеждала Мансарта миссис Брекниридж,—почему вы думаете, что все вот так?

— Бешено собираются сорвать выборы и вновь обратить негров в рабство. Негры могли бы сражаться, но у них мало оружия и нет единого руководства. Но они все равно будут драться, если придется. Даже белые бедняки, и те, вместо того, чтобы быть с нами, ненавидят нас еще больше, чем плантаторов. А вы так же глупы, и в свою очередь, ненавидим. Смерь, охвативший паникой, разводимый темными слезами, вновь становится на сторону плантаторов. Значит, все закончилось. И в свою очередь, аварию. Будь заправлены дальновиднее, они обеспечили бы эти денежные деньги на Севере свободных негров, черные же, вместо этого они заставляют белых бедняков убивать негров!

Миссис Брекниридж хотела было возразить, но не нашла словых слов. Мансарт перевел лошадь на

— Зачем вы сюда пришли?

Мансарт казался ужасно озабоченным, а лица его градом катились пот. Она, с трудом сдерживая негодование, промолвила:

— Полковник должен был прийти на ваше совещание и дать слово защитить ваши права, если вы обещаете нам свою поддержку и сотрудничество. Я не могу понять, почему он не пришел. А может, он пришел и...

Она вдруг замолчала, а ужасе глядя на Мансарта: неужели они похитили ее мужа? А может быть, убий?

Мансарт долго и пристально смотрел на нее, затем медленно произнес:

— Миссис, вы поступили очень неправильно. Полковника Брекнириджа тут не было. Почему, не знаю. Но знаю несомненно, что, попав сюда в самый разгар столкновения между двумя расами, и, возможно, длительного и кровавого столкновения, вы подвергаетесь смертельной опасности. Своим присутствием вы наложив на нас ужасную ответственность. Если с вами что-нибудь случится сегодня в негритянском квартале, то в этом обвинят моих соплеменников. Мы должны доставить вас домой, и как можно скорее!

— А что может произойти?

Мансарт резко оборвал ее:

— Много!

Миссис Брекниридж так же резко ответила:

шаг, подхлел к тротуару и, оставив колыска, огляделся. Кругом не было видно ни одного пешехода.

— Теперь вы в безопасности, — сказал Мансарт. — Видите, там здание суда, пройдите два квартала и в будете дома.

— Вы хотите, чтобы я ушла пешком? — спросила она удивленно.

— Нет, вы поедете, а завтра возвратите мне лошадь и колыска.

Миссис Брекниридж с недоумением посмотрела на Мансарта: — Значит, вы хотите оставить меня одну в такую позднюю пору и в опасности?

— Белой женщине безопаснее быть одной, чем в обществе negra. — Да и вам самому безопаснее! — гневно промолвила миссис Брекниридж. — Если вы боитесь, то не надо меня провожать. — Она взяла в руки поводья. Мансарт поклонился.

— Конечно, боюсь, — ответил он, размышляя о том, что эта женщина, несомненно, искренна, что ей можно верить, и если он доставит ее благополучно к мурку, то она еще сможет угнорить его и других пиднаторов поменьше плямам сторонников крайних мер. Если же он оставит ее одну, она может сделаться противником его самого и его планов, а ее муж станет его врагом... Ее мурку предлежало убиты, даже здесь, в центре города, и обвинять в убийстве самого Мансарта. Но не менее опасно было и ехать по самому центру города рядом с женой пиднатора... Белье вопрос в том, сколько он сможет проехать до того, как его обнаружат клановцы, и сколько пройдет времени с момента его обнаружения до встречи с поповником Брекнириджем. Если он благополучно привезет миссис Брекниридж к ее мурку, то в глазах белых может показаться даже героизм. Но если ему это не удастся, то весь его план превратится как попытка похитить белую женщину, и он станет трупом раньше, чем в доме

Мансарт придержал лошадь, готовясь отразить налет, а миссис Брекниридж вглядываясь в его выю, спокойно посмотрела на всадника. Но они так же молча поворачивали коня и поминались в разные стороны: один — к северу, другой — к югу, и оба изгладывались. Мансарт понял: у него остается единственный шанс на спасение.

— Держитесь крепче! — крикнул он, изгладывая лошадь. Колыска, подпрыгивая, поехала к церкви св. Давида, в том же направлении, куда ускакал один из всадников.

Будур они ускакали позадн сбежал копыт. Мансарт стегнул лошадь, и она поехала галопом.

Миссис Брекниридж испугалась, но не перела самообладания. Она знала, что ей следует делать: если мужа нет в клубе, немедленно ехать домой. Она рассказка мурку о самоотверженности и храбрости Мансарта, и полнокник наградит его и возьмет под свою защиту... Все это молниеносно промелькнуло в ее голове. Когда они достигли Брод-стрит, навстречу высласка кавалькада всадников. Они так быстро осадили своих коней, что Мансарт не успел сдержать взымленную лошадь, и колыска врезалась в самую гущу всадников. Миссис Брекниридж увидела среди них своего мужа.

Она оклинула его и упала без чувств. Полковник подвел ее в седло и галопом помчался домой. Слутники полковника и прискакавшие к этому моменту всадники в наметке не последовали за ним. Они повернули своих лошадей к залыву, таща за собой распряженные колыски. У дверей лоника тетушка Бетси сидели выгладки лонка Мансарта из колыски и бросили к порогу. Он упал с распрестертыми руками, широко раскрыв налитые

Фото А. Бражника.

Друзья Шуры Тулицевой

До старта эстафеты, маршрут которой пролегал по улицам завода Карьюнского транспортного завода, оставалось всего несколько минут. Дрители, оцепеневшие судейский стол, разглядывали поблескивающие серебром прыжки толпы, вращающиеся вокруг схемы маршрута. Рядом на валках сверху разминались спортсмены.

Николай Подгорный, стоя на скамейке, внимательно зогото выискивал.

— Что, все еще не видно? — спросила Шура Тулицева. Николай безнадорожно махнул рукой.

— Ох, уж эти девочки! — с досадой поминала головой Петр Ольховский и спросил Тулицеву: — Опять, товарищ комсорг, автоматический чех не выстает новояду?

— Что могла ответить Шура друзьям? Разве не так, что подруги комсомолки, которых она угворила принять участие в эстафете, не выписаны на старт, подавая команду? Николай Подгорный — молодец. Он как член комсомольского комитета комсомолка точно выполнил задание — собрал всех ребят, а вот они... Конечно, Николай проща агитировать: он сам неплохой спортсмен. А Шура занималась спортом, и девчата не раз посмеивались, иновари спрашивали ее: «А самое лучшее участвовать в эстафете?» Вот почему Шура давно не пыталась возвратат, когда Николай Подгорный сказал ей вчера, что она пообещет на самом трудном, последнем этапе. Девчата же она, комсорг чиха, показат пример! Намекала Шура Николаю, велье нушине в топе лица Натальи Ионовны и Кати Сиды. Теперь все были в сборе.

Напрасно девушки говорили, что ни что не побудит, что они никогда не занимались спортом и правды там, где выстает эстафета? Шура Тулицева и ее друзья заставили девушек выйтн на старт. Однако финишная отметка этого матного чиха пришла далеко не первой: оказалось отсутствие тренированных.

На другой день Николай Подгорный написал статью и еще не столько участником эстафеты соображения, сколько красное угловое чиха, где их ждала комсорг Шура Тулицева.

Шура пришла на завод всего год назад, после окончания десятилетнего обучения в вечерней школе четырехлетней шифровальщицы. Вскоре она уже управляла станком самостоятельного, завоевала авторитет у коллег, и ее избрали комсоргом мурку.

Шура не строила из себя «начетника», как это случалось с некоторыми комсоргами. Она попрежнему принимала близко к сердцу трудности заводчан, участвовавших в работе, стала еще более общительной и дружелюбной.

— Бегать в ст — сказал Петр Ольховский, когда уже усекся во круг шурингого станка, — что у нас нет даже физикультурной организации. Прежде всего нужно выбрать совет физикультурной, как в других заводах.

— А кому быт, поставят вопрос о физикультурной работе на

очередном собрании? — спросил кто-то нерешительно.

— Поставят вопрос. Конечно-конечно!.. Вынести резолюцию, — иронически заметил Николай Подгорный. — Через два недели заводская спартакиада, а спортсменами я и наш чиха раз, два — и обчелся.

— Что же ты предлагаешь? — спросила Шура. — Завтра же прямо после третьей смены организовать тренировку. Надо поменьше заседать, по больше действовать.

Решено было на следующий день после работы поехать на стадион.

Однако желающих тренироваться оказалось только пятнадцать человек. Это были ребята во главе с Николаем Подгорным. Девушки разбежались одна сказала, что беременна и без физикультуры, другая сказала на усталость, третья — на занятость.

В конце ноября Шура все же удалось угворить нескольких девушек.

Весною и июнем прошла первая тренировка комсомольцев валье стадиона. Когда они шуринкой командной поехали стадном, Шура догнала товарищ Натася Ильичевна, она спросила комсорга: — Что хотите делать? — не подуд? Тихо, чтобы не слышали другие, она сказала, что Шура, а когда вы в следующий раз придете сюда?

С тех пор комсомолки стали чаще бывать на стадионе. В чихе появились две футбольные и вольная болельщица новояды, седичи стрелки, легкоатлеты, велосипедисты, городоронцы и пловцы. И когда стал вопрос о том, кого выбирать в совет физикультуры, нашлось много достойных кандидатур, настоящих энтузиастов спорта. Председателем выбрали Николаю Подгорному, а заместителем — Петру Ольховскому. Поглотному знанчеств ГТО и спортивным-разрядников поехали в комсомольскую Гимназию Горуру, Казначеем стал Павел Сидоров, секретарем совета Самая активная физикультурница Наталья Ильичевна.

Валье заводскую спартакиада чиха выстала полностью юментами, завоевала победы по валье вида спорта. Все члены совета физикультуры, в том числе Николай Подгорный, были не только организаторами мурку, но сами участвовали в месте в спортивных состязаниях.

Теперь заводский чих по физикультурной работе — один из лучших на заводе.

Все члены заводского новояды физикультуры участвуют в тонической пальпе. В ней только списки мурку, в Гимназии Горуру, в гимнастическом зале, стрельбе, валье мурку. В друзья Шуры Тулицевой готовятся и Спартакиада народов СССР.

Л. ШНЕЙДЕР

г. Харьков.

тетушки Бетси родится его ребенок. Тогда и демократки на Юге наступит кошмар.

Мансарт взял поводья из рук миссис Брекниридж, огляделся по сторонам, хлестнул лошадь, и колыска тронулась.

Он сказал молча, пока не очутился напротив Маркет-стрит. На этой улице неожиданно показались два всадника в белых балахах с остроконечными касками; один из них был накрыт масками. Всадники заскис галопом к колыске и остановились по краям мостовой, внимательно оглядаям просвляющую пару.

кровью глаза. Прогрел залп сотни ружей, и синевинный град лился с телье Мансарта, пресуриativa его в кровавое месиво. Предсмертный вопль Тома Мансарта слылся в ледяном мраке noch со стоном роженцы и криком новорожденного.

— Услыша выстрелы и страшный гомос Тома Мансарта, тетушка Бетси взяла на руки ребенка и, прижимая его к груди, пыла на крыльцо. Молча помозав лобик новорожденного кровью его отца, она перешагнула через окровавленный труп и, прицывая, поехала малютку в ночь.

СУЖИИЛИСЯ, А СПОРЫ ИДУТ И СЕЙЧАС...

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Во время перемены девушка получает записку в школу, раздает ее. Разывает она и второе и третье послание. Юноша, писавший записки, пытается объяснить с девушкой, он идет в последний урок, и они выходят вместе, о чем-то мирно беседуя. Но стоило парню заговорить о своих чувствах, как спутница сурово прервала его. Столько твердости в ее слове и взгляде, что юноша не решается продолжать объяснение...

Вероятно, в каждой школе можно наблюдать подобную картину. И не только в школе, но и на заводе и в институте... Конечно, это очень грустно, когда хороший человек не встречает взаимности. И все же нам кажется, что категоричнее «нет» честнее, человечнее той нерешительности, которую поворачивает себе некоторые девушки в подобной ситуации.

А если пригласится познакомиться, то нетрудно убедиться, что дело подчас не в одной лишь нерешительности.

Люся Л., окончив десятый класс, пыталась поступить в Текстильный институт, но не прошла по конкурсу. Прочитав объявление о наборе в профтехшколах фабрично-заводская школа, она направилась туда. Люсю приняли.

Училась Люся хорошо. Добросовестно выполняла она и комсомольские поручения, но не отказываясь от них. Но в группе Люся дергалась общением, но откровенничала с товарищами.

И все-таки эта смуглая девушка нравилась не одному юноше в школе. Среди них был и староста группы выпускников Эдик Я. Трудолюбивый, отзывчивый, хороший спортсмен, он пользовался неизменным уважением всех товарищей. Ему прощали порой даже чрезмерную раздражительность, считая ее результатом трудного детства: в годы войны гестаповцы замучили его мать и отца. Оставшись сиротой на оккупированной гитлеровцами территории, он немало пережил, пока наконец советские люди не определили его в один из детских домов.

Бывает так, что вы видите с человеком каждый день и не замечаете в нем ничего особенного. Но вдруг какой-то поступок, слово или взгляд так отзвучивают, так ново и делают на редкость привлекательным.

Так и Эдик однажды «открыл» Люсю. Новое, еще не изданное чувство внезапно захлестнуло его, образовало его жизнь. На одном из школьных вечеров Эдик, превозмогая застенчивость, признался Люсе, что очень хочет «но» дружить. В этот вечер она ничего определенного не ответила, но надежда зародилась в сердце у Эдика. Если бы в ей не нравился Эдик, она бы никогда не сказала девушке, как Люся, сказала бы прямо: нет!..

На следующий день вдоль Ки-

рговского проспекта прогуналась Люся с новыми знакомой в синем костюме. Это был не Эдик. Той разговоры молодых людей, возбужденных лица — все свидетельствовало об их хороших отношениях.

Но мосту их встретил друг Эдика, Анатолий Хорев. Он изумленно взглянул на Люсю, но прошел мимо. Вечером Эдик уже знал все. Назавтра, едва дожидаясь первого звонка, он ринулся к дверям люсиного класса.

— Люся, значит, дружишь с другим? — Голос был ярким от обиды, от жалости к самому себе. — Ты его любишь?

— Да, люблю!

— Почему ты раньше молчала?

— А тебе разве это интересно?

г. Ленинград.

Горячие мысли зародились в голове юноши: ей нравится другой? Люся не могла сказать, что любит ее так, как он, Эдик! Если она этого не понимает, он заставит ее понять...

После занятий Люся, разминая ноги в теплой воде, вспоминала трамвая. Рядом с ним, отставая, шагал наспушенный Эдик.

Первый Эдик вела себя так, будто не замечала его. Наконец она не вытерпела: — Тебе же в другую сторону! — Ну и что? Я тебе мешаю?

Люся не стала спорить, не сказала твердо, что она все равно так поступит, что это все равно ни к чему не приведет. Девушка просто промолчала. С того дня Эдик стал ее неизменным спутником по дороге из школы.

Но однажды на остановке у Сытного рынка Люся, взглянув в окно, внезапно оборвала разговор. Поблудив и проборютовав, что ей нужно сойти, она стала пробираться к выходу. Но не успела. Трамвай тронулся. А юноша, смотрящий с улицы на Люсю и Эдик, подождет, когда с ним поровняется последний вагон, и привычно вскочил на подножку.

На следующий остановки Эдик вышел след за своей спутницей и только в замкнутом пространстве нового вагона в синем костюме Люся смутилась.

— Мальчик, познакомишься, — робко предложила она.

Неудобно исподлобья взгляд ошула Эдик, остановился на значке первозарядки: — Пошли, поговорим... — Она направилась в парк.

— Никуда Яблокова Люся впервые увидела у одного из знакомых летом прошлого года. Они

стали встречаться, вместе бывать на танцах, в кино. О Николае Люся знала только, что он слесарь-инструментальщик одного из заводов на Петроградской стороне.

Ему 22 года. Хорошо танцевать. Окончил, по его словам, десятилетку. Вот, пожалуй, и все. Мало знали о нем и родители Люся. Николай Яблоков казался им одним из тех неплохих ребят, за которыми Люся по клубным вечерам танцевала, на которые она стала ходить еще ученицей девятого класса. И родители довольно благосклонно встретили ее кавалера.

А кавалеру пришло время волею лавировать. То надо увильнуть от разговора о поступлении в институт; то рассказывать же, что кое-как окончены все три класса 7 классов, а не десятилетия; то сделать глубококомсленный вид, когда заходила речь об интересном занятии; то усматривать в глазах проходя — хулиганские «забыли, попомним, драки».

Эдик ничего этого не знал. — И вот двое парней в отдаленном углу зала, а остальные продолжают разбираться в своих «правках» на ухаживание за девушкой. А Люся, стоя в стороне, следит за ними с замраченным сердцем.

— Правда, Николай обещал ей: «Драки не будут». Он хозяин своего слова. Но Эдик такой горячий! Наконец она облегло в воздухе парни пожали друг другу руки. Николай, усматривая, направился к ней. Эдик, не порочась, пошел в другую сторону.

Друг Эдика, Анатолий Хорев, был до крайности возмущен поведением Люся. Однажды он привел Люсю в коридора, он отозвал ее в сторону и стал горячо говорить о недостаточности ее поведения. Она смущенно молча слушала, а затем неожиданно отвела, что, возможно, прекратит дружбу с Николаем: ведь скоро он должен идти в армию.

— Пусть надеется затопиться у Эдика. Он отыскал Люсю и пригласил ее в кино.

Люся согласилась. — Они идут вдоль набережной. Окруженный надеждами Эдик парит в мечтах. Вот так бы идти и идти, не расставаясь! Но почему она так мучает его? Если он ей неприятен, то зачем пошла с ним, зачем подарила ему свою фотографию?

В старинных бульварных романах, что продавались по копейке за выпуск, героини получали удовольствие от того, что за ними без всяких надежд на взаимность ухаживали сразу несколько че-

ловек. Это льстило им, поднимало им глаза окружающих. Но ведь Люся Л. не героиня из бульварного романа! Она советская девушка, комсомолка. Но же так было в на подобные поступки.

Эдик был ей безразличен. Она должна была бы помнить, что отвечает за свои поступки не только перед собой, но и перед окружающими, хотя бы перед теми же подругами по группе, коллегами, правда, молча, но неоднократно наблюдали за ее интригой с Эдиком.

Кстати, подруги могли бы сказать Люсе, что ее поведение не может привести к добру. Но девушки молчали. Даже комсорг группы Гася С. ни разу не высказала Люсе все, что она думала о ее отношениях с Эдиком. Ни она, ни остальные комсомолки не нашли нужным повести с Люсей разговор об устройстве на новом месте: лишь одна мысль омрачала его: как-то дальше сложится его отношения с Люсей. Но пока он не упустил ни одной возможности познакомиться с ней.

Выпускной вечер с концертом самодеятельности, с танцами под оркестр был организован в клубе имени «Красное знамя».

В этот день Эдик чуть с себя сбился. Он был ответственным за несколько номеров на вечере, за контроль у входа. И, кроме того, надо было увидеть Люсю домой, ибо она, как обычно, окончательно ничего не ответила. Последний раз он позвонил перед самым началом вечера: если она хоть немного его уважит, пусть придет.

Еще накануне Люся твердо обещала Николаю Яблокову провести этот вечер с ним и не ходить в клуб. Но вот окончил разговор с Эдиком, и она направилась в клуб...

На остановке у клуба было безлюдно. Сходя с трамвая, Люся тотчас увидела Николая. Он стоял, надев на себя пальто. Правая рука оттягивала карман пиджака.

В нескольких шагах от дверей клуба Николай шагнул к лицу столкнуться с Эдиком и его другом Анатолием Хоревым. В руке Николая сверкнул нож. Хорев пытался задержать руку хулигана, но тот ударил его.

Ленинградский городской суд задерживал Николая Яблокова и в соответствии с советским законом вынес строгий приговор.

А в профтехшколе, на фабрике, среди тех, кто наблюдал, как развивались события, не предположен и разрыв, и так, как увидели они лишь после суда, возникли горячие споры. Идут они и сейчас.

Всеобщее негодование и возмущение вызвала Яблоков.

Но как свидетельствовать себя Люся? И во всем ли был прав Эдик?

Л. ВИДГОП, Я. СУХОТИН

На пути к материке

ДНЕВНИК
АНТАРТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Н. ЧЕБАЕВСКИЙ

ОДНАЖДЫ НА РЕКЕ

Рассказ охотника

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Очень прошу Вас познаться с моим рассказом «Однажды на реке». Рассказ этот в свое время я послал на отзыв М. Пришвинову. Он поправился ему и был переслан в журнал «Дружные ребята». Но опубликован он так и не был. Посмотрите, пожалуйста, не подойдет ли он для Вашего журнала.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить журнал «Снег»

за опубликование рассказа «4 сентября» а главное, за работу, проводимую над ним. Для меня она очень почетна.

С приветом
Н. ЧЕБАЕВСКИЙ
с. Тогул, Алтайского края.

Нрме мы публикуем письмо М. Пришвина тов. Чебаевскому.

Уважаемый Николай Николаевич, Ваш рассказ мне нравится своей бескомпромиссностью и свежостью. Благодаря ему читатель верит написанному, что оно и было.

Я направил рассказ в журнал «Дружные ребята», замредактора Татьяне Павловне Карасевой. Пишите ей, ссылался на меня.

Имею руку
Михаил ПРИШВИН.

Многие считают, что медведь силен, но не очень-то расстороен. Недаром и поговорка сложилась: медведь неукослив, да дюж.

Мне случилось однажды быть свидетелем изумительной легкости и плавности движений этого громадного зверя.

Стоя на берегу. Снег еще не выпал, но морозы уже начались изрядные. Река покрылась синеватым прозрачным льдом. Деревья, кусты и подожная трава — все окуталось по утрам ярким узором инея. В такое время легко охотиться на тетеревов с чучелами...

Рисунки М. Рабиновича.

Вышел я на пасаку поздним вечером. Из-за дедовой избушки как раз выдаловая желтая луна. Была она такой колыханой, что почти все избушка помечалась в ее диск. И старые серые стены и почерневшая обомшела крыша, облитые ярким светом, выглядели необычайно красиво и празднично... Но дедя я застал в тревоге.

Старик рассказал мне, что прошлой ночью на пасаку приходили волки. Все дедь у хлевуши, в которой пасенные держали овцы, была ищарвана, и овцы страшно

напуганы. Дед ожидал, что непрошенные гости придут и сегодня, попытается даже забраться на крышу. Он притогнался караулить их всю ночь с ружьем. Мою приходу, разумеется, старик обрадовался. Я тоже был доволен тем, что попал вместо тетеревиной охоты на волков.

Пасака стояла в излучине. Река омывала ее почти кругом, только узкий перешек метров в тридцать соединял полуостров с берегом. На этом-то перешеем мы и устроили засаду в расчете, что волки не пойдут по незаśnieженному, скользкому льду недавно застывшей реки.

Длинные осенины ночи. Долго мы ждали гостей. И все тешно — никто не появлялся.

Я уже начал драмать, когда дед подтолкнул голову в бок. Я торопливо поднял мана и... обмер.

Мимо нас шел на пасаку злодворный медведь. Брал он спокойной, неторопливой, слегка переминался с боку на бок. Я глазам своим не верил: откуда он взялся в это время? Ведь медведи должны уже залечь. Видимо, этого кто-нибудь потренировал, или он был закоренный бродяга. Приходилось мне слышать о таких: они шляются чуть ли не всю зиму и бывают страшны злы.

Медведь надрывался прямо к избушке. И пока мы молча удивлялись и глежали на него, он начал крушить дверь. Рванул несколько раз за скобу, вынул дверь застрявшую плечом — дверь затрещала.

Тут старик не выдержал и выстрелил. Однако — не попал. И к счастью. Что может сделать такую зверю харьку! Только ранить. А раненый медведь степенно и идет прямо на человека. Оста-

ся единственный выход — бить его в упор наповал или гоняться за ним и вступать в поединок. Медведь испугался выстрела, шаркнулся в сторону от двери и побжал к реке. Тогда старик выпалил еще раз. Медведь сорвался под берегом. Неужели он опустился на лед? Ведь ледок-то совсем еще тоненький, ни за что не выдержит такой тяжести.

Я побежал ближе к берегу и тут увидел необыкновенное...

Тонкий гладкий лед на реке, наверху просвеченный луной, по-прежнему желтоватым искринками и походил на сверяный золотистый мед. Сама луна отражалась в нем так четко, что, казалось, выплывала прямо из воды, из-под волнового противоположного берега. А по льду легко и плавно, как то дедя трагично скользил громадный медведь. Не бежал, а именно скользил, как лыжник, быстро и ловко. И лед под ним все успевал проламываться, потому что громадная туша ни секунды не задерживалась на одном месте и с удивительной быстротой, как мячик, катился вперед. Движение медведя было настолько плавным, что даже длинная тень от него неслась по льду, не качнувшись, не дрогнув. Лед поминутно трещал и прогибался...

Я стоял как завороженный. Никогда еще не приходилось мне видеть такое.

— Стреляй ты, чего стоишь! — сердито закричал на меня разгоряченный дед.— Пужи как слудеть!

Но мне было не до ружья. Ледбуль медведям, да даже незлобно боялся, чтобы он не провалился, с напряжением следил за каждым его движением.

Дед в это время воцарил в ружье новый патрон. Волею меня гулко рванулось желтое пламя. Медведь покачнулся, отступил. Лед гулко трещал и осел. Косматая туша моталась, словно ее засосало, скривилась в темном проломе. Спусти минуту она покатилась ниже по течению, ударила снизу о прозрачный ледяной купол. Дед затрещал, раскопосил, но медведь не удержался в проломе — быстрым течением его снова атаило под него. Он еще раз попытался вынырнуть, вновь раскопосил снизу прозрачную крышу, однако так и не появился наверху, видимо, задохнулся.

Через несколько дней, когда лед окрел и мог уже выдержать нашу тяжесть, мы отыскали медвежью тушу и вытаскили через проломы.

Оказалось, дед рванул медведя в заднюю ляду. И рвано-то было пустяковым, совсем для медведя не страшная. А вот, поди ж ты, сбоял его с ритма, заставила отступить и погубила.

3 февраля. В Антарктиде великая эпопея. На первый взгляд это звучит странно: эпопея в ледном, туманном, несоборном крае. Но это так.

На прибрежных, расположенных рядом с Мирным, шумит степи саавра. На юрчавых скалах — тысячи синиц. Вылетают на островах и толды и пятнистые морские леопарды.

Вот эти острова и объявлены заповедником. Здесь биологи будут вести наблюдения за «эволюцией вытесним» шестого материка.

3 февраля. Оставая за юркой двадцать тысяч километров восточной пути, и Мирному прилетел рефрижератор № 7. Он доставит продукты для зимников. Теперь у берега Антарктиды стали свои советские корабли: «Обь», «Лена» и рефрижератор. Параллельно с рефрижератор судя производится строительство поселка. Скоро будут готовы здания для зимников и производственной радиостанции, кают-компании и несколько жилых домов. Темпы работ очень высокие. В настоящее время в Антарктиде лето на исходе, а потому наступлению зимы нужно очень много.

12 февраля. Радиостанция флагающего самолета работает привлекательно радиотрам. Космонавт Ефремович Воронин очень благожелательно поздравил за приветствие, которое послало ему в августе его семидесятилетия. Коллеги из экспедиции очень возмущены этим радиотрамом и работают сегодня с особым воодушевлением.

12 февраля. За последние время в жизни исследователей шестого материка произошло много интересных событий. Одним из них является научная экспедиция в район так называемых осиков Антарктиды, которую возглавляет старший научный сотрудник на восток от обсерватории Мирный. В экспедиции участвует отряд из тринадцати человек, доставленный в район самолетами и вертолетами.

Теперь уже видны поземки. Нагретые солнцем скалы, просвечивающие озера, фьорды. В воздухе очень много солнца, воздух сухой. Такой воздух был раньше, только в пустыне. Ученые экспедиции на днях вылетели на самолетах с новыми приборами, значных замеров, значных замеров. На камнях найдены лишайники. В песчаных котловинах удалось выловить крылатых насекомых — шмелей. В фьордах обнаружены толстые, яркие, бесцветные звезды. Не так уж бесцветные звезды Антарктиды, какой многим она казалась ранее.

По окончании экспедиции на борту «Обь» состоялся научный семинар. Здесь были обсуждены первые результаты работы.

Установлен прямой контакт с австралийской научной станцией Максаудер, с которой теперь ведется регулярный обмен метеорологической информацией.

Все идет хорошо, если бы только не жестокие штормы, которые часто выхватывают на побережье. Строители, моряки, ученые продолжают работать в исключительно трудных условиях.

13 февраля. В Мирном — торжественный день: в честь открытия XX съезда КПС, состоялся подъем Государственного флага СССР.

В два часа дня на границе сона соборили ученым, строителям, морякам, летчикам. Начальник экспедиции М. М. Соколов подает команду: «К подъему флага на станцию».

На станцию Антарктиды под звуки Гимна Советского Союза выносятся флаги колонии.

Ученая мигранта посылы экспедиции XX съезда КПС, в котором они дали слово успешно выполнить возложенную на экспедицию задачу.

Вопреки инстинкту

У зверей есть свои врожденные повадки. Заяц, например, от беды не убежит, выйдя из норы, лиса спрячется в заросли, белка прыгнет на дерево. Однако мне не раз приходилось наблюдать поведение некоторых, мудрее зверей с их инстинктами.

Каждо из помухой травы вылезла мать-и-мачеха, навострил длинные уши и покатился за курган. Обложку соли и виноку: пахнет по озеру. Был передними лапками, брызги разлетались. Шагов покосили отמים, и, видимо, испугался — поспешил назад.

Лисо, что заяц ошибся. Он мог повернуть вправо, влево, попятиться нудя угодно по стили. Но носой почему-то пустился вправо.

Заяц слышит трясина, его и ворона безнаказанно обидит. Лишь в играх он хитрит и проворно удирает лапкой от соперника. Я представьте, этот отъявленный трусиха однажды распротрухнул с танка врага, который дала на волна нападает.

С шумом рассеяла трясина из воздуха, ринулся на русана берет. Длинноухий прыгнул во весь дух удирает от орла, Вот-от нежные ноги орла схватят жертву. Уже широко ирмия застопили так случилась Заяц улетывает, а на зелье барахтается, во время неравной схватки косят так попусору орла своими сильными задними лапками, что тот ружуа через голову с распоротым брюхом.

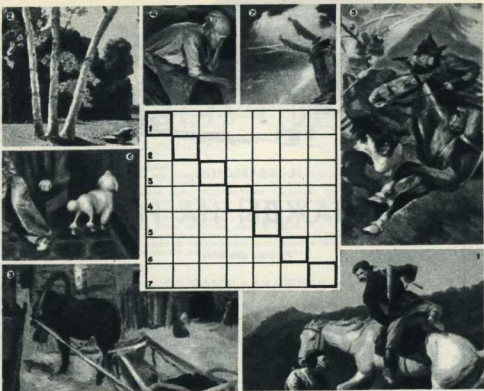
Обнажды подлезла и заводи напоят коня и выкули глаза. Заметив коня, заяц моментально исчез. Я удивился: место такое, что смертно убивает лиса не могла; все как на ладони, а оно словно в воду икнула.

Над берегом вращалась головой по сторонам вращает, таме, должно быть, нуличные глазами интересуются. Перонавшись с вербой, серая промира вдруг заорала: «Ира-и! Ира-и!» и закружилась над деревом.

Мне захотелось узнать, что за дикунку наша так ворона. Виног изобразил по национальному стволу. В ветках замелькала желтое пятно, ну-бук в озере лиса, другой выскоча у нее не было пути к берегу загоримая л.

И тут обидела зверей вместо того, чтобы изобразить в расступях вблизи тростника, лиса, почуя опасность, поспешно изобразил на дереве.

А. ШЕВЧЕНКО
г. Ленинград.

ИЗОДАЧА

Составил
В. Дысков.

Вспомните фамилии семи художников, фрагменты картин которых вы здесь видите. Вспомните названия этих картин. При правильном решении вы прочтете фамилию известного художника.

Шахматная олимпиада «Смень»

III. ВИКТОРИНА

(Продолжение, начало см. в №№ 2 и 4 журнала).

1. Один известный русский композитор и музыкальный деятель часто посылал часы досуга шахматам. Не раз он встречался за шахматной доской с Д. Н. Толстым в Ясной Поляне. Великий русский писатель, как мы знаем, был большим любителем шахмат. Любопытным в их встречах было одно непременное условие: если проигрывал Толстой, то он должен был прочитать вслух что-либо из своих сочинений, а если проигрывал его «противник», то последний обязан был исполнять на фортепиано какое-нибудь музыкальное произведение по выбору Льва Николаевича. Кто был этим шахматным «противником»? Толстой?

2. Какой знаменитый итальянский шахматист был в свое время назван генеральным вичарем?

3. Кто такие «шахматники» и когда они существовали?

4. Когда и где во время игр в шахматы происходили таинственные, необычные

для сегодняшнего дня явления?

1) У каждого из партнеров может быть одновременно лишь один ферзь, так что пенка, достигнув конечного поля, не имеет права превратиться в ферзя, если ферзь того же цвета еще стоит на доске. 2) Ферзь не может взять неприятельского ферзя; 3) петири ферзя равновесия проигрывают партии.

5. Что такое манускрипт? Знаете ли вы легенду о «манускрипте»?

6. Во всеобщем шахматном чемпионате нынешнего года, как известно, на первое место вышли с равным количеством очков, прославившиеся Ю. Авербах, В. Спасский и М. Тайманов. Случай дележа первого места тремя участниками — беспрецедентный в истории чемпионатов СССР, чрезвычайно редкий в шахматной практике. Аналогичный результат был лишь на большинстве международных турниров в 1923 году. Где происходил этот турнир и какие

три гроссмейстера сразились его победителями?

7. В каком выходящем из провинции русской провинции говорится о Петре Первом, играющем на одной из «кассидей» в шахматы с английским шиппером, причем во время игры оба protagonista «скачготали друг другу» густыми клубами дыма?

8. Кому принадлежит высказывание, сделанное в XVII веке: «Три русские превосходно играют в шахматы; наши лучшие шахматисты перед ними ипользились»?

9. По преданию, Илья Муромец и другие русские богатыри были не только храбрыми воинами, но и искусными шахматистами. Одна из былин повествует о том, как три богатыря отправляются на сбор дани в разные государства. Двое из них без особых приключений собирают дань, а третьему пришлось для этого играть со известным королем в шахматы. Как называл этого богатыря?

10. Что вы знаете о выдающемся индийском шахматисте Сутар Ханат?

11. «Нет никого, кому бы так мало благодарителевато турингом Сутар Ханат? Чигорину, но и нет никого, кто так мало изгадился бы в турингом счастья, как Чигорина».

12. Кто не было мастера, ноугурый в такой мере сочелся бы в себе искусство гланд и шадты, как Чигорин.

13. Кому принадлежат эти высказывания о знаменитом русском шахматисте?

14. Назовите историю: «Шахматистов с мушкетерами больше всего собирают комбинаторная способность, одинаково необходимая тем и другим?»

15. Что такое комбинация в шахматной партии? Назовите известные комбинации вам представляются правильными и наиболее убедительными?

16. Назовите десять всемирных шахматистов, чье творчество вы больше всего импонировало?

17. В одной из шахматных партий игра свелась к позиции, в которой можно придумать много вариантов.

Ход черным. Как бы вы сыграли?

18. Какие существуют шахматные дебюты? Назовите их и приведите первые ходы, определяющие тот или иной дебют.

Ответы на шахматную викторину можно присылать до 10 мая.

Мастер В. ЛЮБИНСКИЙ

На первой странице обложки: Станция «Литово» Ленинградского метрополитена имени В. И. Ленина. Комсомолка Наталья Штурова отправляет посылку. Фото Н. Анааньева (Ленинград).

На четвертой странице обложки: Иллюстрация И. Мельникова (справа) и Ю. Исаева (слева) на выставке «Лесоразработчик, освоивший место для будущего Братского моря». Фото В. Темина.

Рис. Г. Козлова.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Гравда», 24.

Инд. № 261.

Заказ № 643.

Тел. Д-33424.

А 03801.

Технический редактор О. Шова.

Подписано и печатано 12/11 1956 г. Тираж 250 000 экз.

1,75 бл. л.—4,8 бл. л.

Ордена Ленина типография газеты «Гравда» имени И. В. Сталина.

Басня без морали

— и Козле, который догнался, отстал, прогнал, в трех соснах заблудился тной, сной, раззадорив каналья, последний проходимец и так далее. Прослышав про танне заклиная, на заседание срочно прибыл Слон

и затрубил: — Да вы в своем уме ли? Вместо того, чтоб говорить о деле,

наехали на Козла! А истаи... где же он? Что ездилась с Лисой! Лиса воюющая, на всех зверей кидается она! Старейшего Козла не приглашали!

Не помню уж когда и был ли в том резон, Козла слезка гингул в своем доплате Слон.

И у иных ораторов с тех пор такая мода: странная пошла: о чем бы ни повисел разговор, точно как бы в засушливое лето, на заседании лесного комитета спецконсултант по вопросам Лиса,

должно быть, почтася держала речь о том,

как водоем от засухи оберечь.

Не зная, как бороться с этим злом, Лиса решила сделать злод

— По поводу бед, постигшей нас, которую должны мы осудить сейчас,

нельзя не вспомнить... пресловутого Козла, который натворил немало зла, который догнался и сдвизлся, отстал,

прогнал, в трех соснах заблудился тной, сной,

раззадорив каналья, последний проходимец и так далее.

Да что Лиса! Медведь — честнейший малый,

и тот заговорил не без напала: Беда пока еще не шиню зла, и только прояснес... козляк, удивлялся сам, задал об этом:

— Но-зла, но-зла, но-зла, но-зла, но-зла.

Рис. А. КОХОВ.

Тут дело не в Козле. Обиден Паслаи за Козлом, а у Козла Нуника ли здесь морали?

— Эда ли, — ответил, г. Ленинград.

«РЕПЕЙ»

— Кто побегает меня? Рис. Г. Козлова, пер. Юльи-Яковле, Чувашской АССР.

Охотник-краснобай

Охотничий вояк Фрол Фролович Табаков

Держал отчет об истреблении волков.

— Известно,— начал он,— давно народы

Где волки водятся, беда животноводу.

Примером служит наш район.

Волков в нем — целая миллион.

По росту воячий ставь стоим

— А как насчет потерь?

— Потери тоже есть.

Вот данные: успели волки съесть

Гусей и уток двести тридцать шесть

Коров и лодей ровно двести, А что овец зарезали — но съест!

Все хищники один рослей

Я видел волка во канале, другого,

— Пойсти,— докладывала остановил Артем,

— Ты б лучше рассказал о том, Как вы боролесь с этим злом.

— Пойнти,— отвечает,— не гуляла:

На курсы егеря послала, Купили сотни дев фланцов,

Собрание провели, планируем второе...

— А много ли уничтожили волков?

— Мы завели уток и вынесли зимою

Итого подели за десять лет, Но на счету пона волков убитых нет.

Он и ж настольно обобрали —

Рис. Е. Гурова.

Сегодня днем мою корову

— Неумудрено,— сказал Артем

Бьет волка серого не речью,

А наречью!

В. АКУЛИН

г. Владимир.

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

Рис. Г. Козлова.

Зинаида Пилвагина стоит перед зеркалом и, нагуривая кокетливо вздернутый носик, патетически вопрошает:

— Эдакие, эдакие! Кто вас выдумал!

Тяжело вздыхая, она садится за столик, заваленный конспектами и книгами; зевая, раскрывает учебник.

Глаза ее механически скользят по страницам, а мысли не могут сосредоточиться на прочитанном. В голову лезет нечто, не имеющее никакого отношения к науке. Надо, пожалуй, заказать какой-нибудь новый, нестандартный лак для ногтей.

Например, лиловый с перламутровыми отливом. Расцветка шикарная! Она прекрасно гармонирует с серебривым платьем...

Раздается телефонный звонок. Зина орочается в коридор, но дорогу внезапно перебегают кошко. Девушка застывает на месте, как монумент. Затем, трижды плюнув через левое

плечо, бегит и продолжает звать телефоню.

— Слушай! Ах, нег! Танцы в среду? Какой часло? Тринадцатое! Нет, нег! В другой раз...

Цифра «13» вышудала Зине безотчетный, почти панический страх. Обнаружив одианды, что она тринадцатое по счету пассажир в трамвае, Зина выскочила на ходу из вагона прямо в объятия милиционеру. В другой раз по расценности села в автобус тринадцатого маршрута. Вначале ей повезло: достался билет со счастливым номером. Обобраванная Зина, как полагається в таких случаях, проглотила свой билетик счастие. Но маршрут был все-таки тринадцатым! Вдруг появился контролер и оштрафовал Зину как безбилетного пассажиря...

— Вечером папа и мама на шипочках поехали и двери зининой комнаты.

— Вечерняя она совсем замочетась — шипнула мать. Нужно срочно купить ей шюкель. Он полагает при умственной работе.

— Раскрылась дверь, и на пороге появилась Зина.

Палаша, почесав затылок, отозвалась: — Шипнула мать.

— Если слышь экзамен, то по-лучишь от нас премию — триста рублей на карманные расходы.

Зина просияла:

— Постарасял... Что-нибудь придумую...

Она долго не могла уснуть. Мысли о предстоящем экзамене, как назойливая муха, не давала покоя. Византизм беснуила замечательная идея. От возбуждения Зина присела в кровати. Мерт побер, набден блестящий выход! Он безошибочен и бьет на психологию...

— Когда через несколько дней Зина очуналась перед экзаменатором, но душе нее было, как в мулуне: пусто, холодно и сфердасы мышли... Все, мамка, предусмотрено и вшещено, но сердце тревонно сиямчало... Затаив дыхание, Зина протянула дрожащую руку и билетик изла один из, поспешно взглянув на него, сунула обратно в папку.

Опыт тринадцатый! — воскликнула она трагически.

— Берите другой билет, — ласково повторил профессор.

— Пронхлось вытунуть новый билет. Нервно номная Батистовый платочек, Зина пыталась что-либо вспомнить, но безуспешно. В мозгу все перепуталось и смешалось, как виноград в тарелке.

— Эдаа доть вошла в извуртругу папа и мама в один колосприсили:

— Зина, как?

— Во всем виновата чертова дюжина... — злобно ответила Зина, вспомнив, но огорчиться ведь у эконолица было триста рублей.

В. БРОДОВ

г. Ленинград.

Цена номера
2 руб.

